

Анжон Емельянов и Сергей Савинов

ГЛАВРЕД 2:
Назад в СССР

Главред: Назад в СССР

Сергей Савинов

Главред: Назад в СССР. Книга 2

«Савинов С.А.»

«Емельянов Антон»

2024

Савинов С. А.

Главред: Назад в СССР. Книга 2 / С. А. Савинов — «Савинов С.А.», «Емельянов Антон», 2024 — (Главред: Назад в СССР)

Продолжение приключений журналиста из XXI века в теле редактора из 80-х. Российский журналист Женя Кротов, попав под обвал в 2024 году, оказывается в теле главного редактора советской районной газеты, и теперь ему предстоит поднять провинциальную журналистику на всесоюзный уровень. Без телеграма, инстаграма и прочих «граммов». Кстати, о них – напиться с горя тоже не получится, в стране идет борьба с пьянством. Да и зачем? Если судьба дает второй шанс, надо быть дураком, чтобы им не воспользоваться! Наливаем газировки из автомата, берем мороженое в вафельном стаканчике, ставим вашу любимую пластинку (не забудьте протереть пыль) – и можно читать. Авторское примечание: Приключения главного героя во многом навеяны реальной работой одного из соавторов в региональных СМИ. Город, в котором происходит действие книги, вымышлен. Это собирательный образ райцентра Калининской области. А сама книга – не учебник истории. Это ностальгия.

© Савинов С. А., 2024

© Савинов С.А., 2024

© Емельянов Антон, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Антон Емельянов, Сергей Савинов

Главред: Назад в СССР. Книга 2

Глава 1

Едва я вернулся к себе, обескураженный и слегка раздавленный, позвонила Альбина, секретарша Краюхина. Сообщила своим холодным голосом, что Анатолий Петрович ожидает меня на интервью, причем в ближайшее время. Я посмотрел на часы – близился обед, но для меня и по прошлой жизни это не было проблемой. Рабочий день у журналиста ненормированный, и материалы готовятся по ходу действия, а не когда удобно. Особенно если речь идет о каком-то эксклюзиве. Другой вопрос, что в будущем я бы поговорил с Краюхиным по мобильнику, записав и затем расшифровав беседу. Но тут в любом случае придется ехать лично.

Впрочем, время у меня еще есть, и я успею подготовиться к решительному сражению. Я вновь позвонил Ямпольской и попросил ее подготовить короткое заключение: что происходит с Павлом и во что это может вылиться с точки зрения медицины. Желтая пресса, говорите? О нет, вы ошибаетесь, Клара Викентьевна. Я подготовлю статью по всем правилам журналистики, используя мощную поддержку из нескольких источников.

Дальше я через Валечку организовал молодых журналистов, благо свои тексты они почти всем составом сдали заранее, и отправил их с персональными заданиями. Зою Шабанову я послал к Ямпольской, чтобы с ее помощью собрать мнения врачей и в идеале связаться с Королевым для профессионального комментария. В компанию с ней я отрядил Леню Фельдмана, чтобы тот был готов в любой момент отправиться в ЦРБ и сделать несколько кадров изможденного Павла. И нет, это опять не погоня за сенсацией. Это лучший способ заставить людей задуматься – безжалостно бросить им в глаза горькую правду.

Никиту и Аркадия я отправил в библиотеку, чтобы шерстили там все о радиации и ее воздействии на организм человека. А Кате с Людой выдал задание пообщаться еще с несколькими ликвидаторами из списка, который я получил от Громыхиной. Пусть запишут их истории, расспросят о здоровье... Ведь как там говорится? Один раз – случайность, два – совпадение, три и больше – уже закономерность.

Потом, когда все распоряжения были розданы, Валечка организовала мне машину, в редакции я оставил за себя Бульбаша, и уже вскоре черная «Волга» доставила меня к зданию райкома. Альбина встретила в своей привычной манере, едва поздоровавшись, но я уже не обращал внимание на ее особенность. Просто вежливо улыбнулся и прошел в кабинет Краюхина.

– А вот и наш прогрессивный редактор! – воскликнул первый секретарь, широко улыбаясь при виде меня. – Проходи, Кашеваров, садись. Расчехляй свою машинку.

Я разместился на стуле, выложил «Панасоник», рядом положил карандаш с блокнотом. Альбина принесла нам по чашке ароматного индийского чая, поставила их и удалилась. А я решил не терять время и сразу приступил к делу.

– Анатолий Петрович, я обязан вас предупредить, что интервью будет записываться на диктофон, – сообщил я Краюхину, но тот лишь благодушно махнул рукой. – Итак, давайте сначала поговорим о вашей биографии.

– Да что рассказывать, – первый секретарь, на мой взгляд, не играл скромника, за годы практики я научился хорошо определять уровень искренности собеседника. – Сам я местный, андроповский. Родился и вырос тут, в городе. Родители – обыкновенные советские трудящиеся...

Стоило признать, Краюхин умел завлечь разговором. А еще отвечал на вопросы четко и по существу – мечта любого журналиста. Каверзных вопросов я ему не задавал, однако обошелся без благоговейности, чего и боялся в исполнении любого другого сотрудника редакции. В итоге интервью с партийным функционером оказалось не таким скучным, как тот же мой предшественник в теле Кашеварова готовил на протяжении нескольких лет. Да и Виталий Бульбаш, когда разговаривал с первыми лицами, неожиданно превращался в типичного «задавателя вопросов». Ощущение от всех ранних интервью было такое, словно они готовились под копирку, только даты менялись и кое-какие ключевые фамилии. Я же просил Краюхина делиться интересными подробностями – как в истории с галстуком Прасолова.

И ведь не зря! Первый секретарь нашего райкома не раз ездил с официальным визитом в города-побратимы Андроповска – болгарский Тутракан и венгерский Секешфехервар, бывал в Индии в составе калининской областной делегации. Мой предшественник в теле Кашеварова тоже мотался по ближайшим дружественным заграницам, причем в компании Краюхина в том числе, но подсознание выдавало эту информацию смутно. Да и плевать! Тем интересней слушать моего собеседника. И не только о поездках за рубеж... При Краюхине в нашем городе организовали международную пионерскую смену, и в лагеря «Пролетарка» и «Юность» приезжали тельмановцы¹ из ГДР, а также польские харцеры². В общем, мужик оказался действительно крутым. И про сына своего, чей портрет в рамочке стоял на одной из полок, рассказал охотно, пусть и с небольшой тенью волнения – тот действительно выполнял свой интернациональный долг в Афганистане. И Краюхин его не отмазывал.

– Анатолий Петрович, теперь вопрос уже не для интервью, – я начал подводить к важной части нашего разговора. – В номере будет материал о проблеме ликвидаторов аварии на ЧАЭС. Помните, это уже обсуждалось?

– Помню, Кашеваров, – вздохнул первый секретарь. – Громыхина подавала запрос на список для тебя. Ты об этом?

– Да, – кивнул я. – Есть история одного из наших земляков. Его зовут Павел Садыков. Он серьезно болен, его состояние ухудшается.

Краюхин молча смотрел на меня тягучим изучающим взглядом. Побарабанил по столу пальцами, затем, наконец, ответил:

– Советская медицина – лучшая в мире. И бесплатная. Пусть обращается в поликлинику, а если нужно – организуем стационар. Все-таки герой, наш парень...

– Уже организовали, – перебил я. – Но помощь может потребоваться если не всем, то большинству из ста семидесяти девяти. Их нужно обследовать, пока не поздно.

– Кашеваров, – Анатолий Петрович посмотрел на меня как отец на зарвавшегося сына-подростка. – Ты же не врач, Кашеваров. Предоставь это дело профессионалам.

– Профессионалы пока еще не знают, с чем им предстоит столкнуться, – возразил я.

– А ты, хочешь сказать, знаешь? – прищурился первый секретарь. – И откуда же?

– Интересовался этой темой, когда готовился к материалу, – спокойно ответил я, одновременно прокручивая в голове источники, на которые я могу сослаться. Главное, не напортачить, назвав что-нибудь вроде «Колокола Нагасаки»³, который на русском языке выйдет только в две тысячи двадцатые годы. И уж точно не вспоминать что-то из Интернета, который еще даже не изобрели.

– Конкретнее, Евгений Семеныч, – сдвинул брови Краюхин, показывая, что его не устраивают туманные объяснения.

¹ Члены Пионерской организации имени Эрнста Тельмана в ГДР.

² Члены Союза польских харцеров – молодежного движения в ПНР.

³ Такаси Нагаи «Колокол Нагасаки», русский перевод Марка Тульчинского, издание 2022 года.

Очень жаль, что действительно хорошие книги о катастрофе здесь еще не вышли. «Ядерный загар» Григория Медведева, «Чернобыльская молитва» Светланы Алексиевич, воспоминания Валерия Легасова⁴. На что же тогда сослаться? И тут мне пришла на помощь память самого Кашеварова. Как же вовремя!

– Учебник по гражданской обороне, Анатолий Петрович, – уверенно сказал я. – Что-то помнил еще по урокам НВП⁵ в школе, решил освежить. А еще есть интересная книжка маршала Чуйкова Василия Ивановича. Называется очень показательно: «Гражданская оборона в ракетно-ядерной войне».

– Авторитетный автор, – с уважением кивнул Краюхин, а я еще раз со всей искренностью поблагодарил своего предшественника и его доставшуюся мне память. Вот только почаще бы она срабатывала!

А первый секретарь тем временем продолжил:

– Смотри, Евгений Семенович, книги ты мне хорошие назвал, но неужели ты думаешь, будто никто их кроме тебя не читал? Ты всерьез мне сейчас говоришь, будто наши советские доктора не знают того, что известно тебе, редактору районки?

Как же хочется сказать, что да! Да, так и есть, я знаю гораздо больше. Просто потому, что я из будущего. Но нельзя. Нужно действовать по-другому.

– Я ни в коем случае не подвергаю сомнениям профессионализм советских врачей, – я покачал головой. – Именно поэтому мои сотрудники сейчас общаются с докторами и другими ликвидаторами из Андроповска. Отдельно я дал задание отыскать в специальной литературе нужные сведения. Все это будет учтено в статье. И лично я несу полную ответственность за ее содержание. Для меня это дело профессиональной чести.

– Ну-ну, – кажется, Краюхин не ожидал от меня такого напора. – В том, что ты за свои слова отвечаешь, у меня нет никаких сомнений. Только что я в обкоме скажу? Что ты мне честное слово дал?

– Мы вот как поступим, – я ждал примерно такого вопроса и уже знал, как убедить Анатолия Петровича. – Я подготовлю материал с комментариями специалистов и завтра лично привезу вам его на согласование. При необходимости объясню каждую строчку, каждое слово...

– Ладно, – Краюхин остановил меня, подняв широкую ладонь и выставив ее вперед. – Я по партийным каналам тоже узнаю все, посоветуюсь со старшими товарищами. А ты вот что, Кашеваров. Готовь материал, но не разводи панику. В статье про чернобыльца расскажи, какой он герой, какие они все герои. Немного упомяни, что есть, мол, жалобы на здоровье. Но в набат не бей, про две сотни пострадавших не пиши. Парочку других примеров можно, только без перегибов. Это мои настоятельные пожелания. А завтра – да, пришли мне готовый текст на согласование. Придумаем, что можно сделать и как. У тебя все?

– По интервью – все, – подтвердил я.

– Тогда свободен, – устало буркнул Анатолий Петрович. – Интервью-то в завтрашний номер пойдет? Или на следующий отложишь?

– Если одобрите, то уже в завтрашний, – я кивнул, вставая из-за стола.

– Отправь кого-нибудь из своих, пусть завезут, – предложил Краюхин. – Если успеешь сегодня до шести, хорошо. Нет – уже завтра посмотрю вместе со статьей о ликвидаторе. И давай без самодеятельности, Евгений Семенович. Не рискуй карьерой.

Последнюю фразу первый секретарь произнес с нажимом, буравя меня глазами из-под нахмуренных бровей. Я снова кивнул, вежливо попрощался и вышел из кабинета.

Чую, этот номер обойдется мне еще дороже, чем предыдущий.

⁴ Валерий Легасов – советский ученый, доктор химических наук, профессор. Член АН СССР. Входил в состав правительственной комиссии по расследованию причин и по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Посмертно в 1996 году удостоен звания Героя России.

⁵ НВП – начальная военная подготовка.

* * *

Наступил вторник, день икс для газеты. Бродов по-прежнему лежал в кардиологическом отделении ЦРБ, посещать его пока еще не разрешали, но самое главное, что Арсений Степанович был стабилен. Шикин справился вместо него, подготовив совместно со старушкой Метелиной обязательные партийные полосы. Все остальные журналисты тоже не подкачали, вовремя сдав все свои материалы и даже немного поиграв с заголовками.

По договоренности с Громыхиной мы поместили небольшое объявление о конкурсе иллюстраторов, так что хотя бы здесь все получилось как надо. Интервью с первым секретарем было готово еще вчера, так как расшифровать аудиозапись для меня давно уже не составляло никакого труда. Я потратил кучу времени лишь на машинописный набор, но уже по привычке сначала набросал карандашный черновик, на чем в итоге и сэкономил – не нужно было повторно щелкать по клавишам, внося правки. Как мы и договаривались вчера, я лично отвез черновик интервью и расширенную статью о Павлике в райком, но вот уже обед вторника, а ни одобрения, ни запрета – ничего. Краюхин молчал. Мне даже не удалось с ним увидеться, гранки из моих рук приняла холодная красотка Альбина, нехотя объяснившая, что первый секретарь уехал по срочным делам в район.

А когда я вернулся, ко мне в кабинет взлохмаченным вихрем ворвалась запыхавшаяся Соня Кантор. Выпив два стакана воды кряду и немного успокоившись, она затрясла блокнотными записями.

– Накрыли, Евгений Семенович! – радостно закричала она, смутилась и понизила голос. – Вы были правы, это Максим Воронин!

Сердце в моей груди учащенно забилось. Отпрыск красного директора, разворовавший в девяностые Андроповский ЗКЗ, начал еще при советской власти. А Соня и Кайгородов по моей наводке его прищучили, взяли за хвост. И что же тогда получается? История будущего должна поменяться? Так, для начала нужны подробности.

– Младший Воронин заведует на ЗКЗ отделом снабжения, – принялась рассказывать внучка прославленного военкора. – Мы со Всеволодом начали его раскручивать, причем поначалу он сомневался, а потом все же согласился работать в этом направлении.

– Кто сомневался? – не понял я. – Воронин?

– Да нет же, – терпеливо объяснила Соня. – Кайгородов, следовательно!

– Так-так...

– В общем, он... теперь уже младший Воронин, конечно же, списывал в брак и утерю часть каждой поставки, – продолжила Кантор. – Красители, «лепестки», спецодежду. Они на пару со Староконем, начальником кровельного цеха, и Небайло, замначальника цеха киноэкранов, организовали там целую схему. Воровали и на том, что на завод поступало, и на том, что производилось.

– Вот ведь сволочи! – вырвалось у меня, когда я услышал знакомую фамилию. – А по Староконю у меня еще фактура есть.

И я рассказал Соне о том, как рабочие кровельного цеха грузили без средств защиты ядовитый краситель. Потом показал проявленные и распечатанные цветные снимки, сделанные заводским рабкором Нонной Мордатовой. Вот и пригодился мой заранее заготовленный компромат.

– Итак, София Адамовна, – я серьезно посмотрел на девушку, на ее легкомысленное для холодной осени пальтишко, на сбившийся в темных прядях волос берет. – Подготовьте материал к следующему номеру. Только тщательно! Сделайте так, чтобы это было ваше лучшее расследование! Сумеете?

– Да! – уверенно заявила Соня. И тут же гордо добавила: – Я могу и сегодня все очень быстро написать.

– Не надо торопиться, – я отрицательно покачал головой. – В таких делах спешка только вредит. Идите и готовьтесь.

Девушка решительно кивнула и вышла из моего кабинета. Я проводил ее взглядом, заранее уверенный в том, что это расследование Софии Кантор точно войдет в историю. И, может, в следующем десятилетии Андроповским ЗКЗ будет руководить более достойный руководитель вместо проштрафившегося Воронина-младшего. Вот только Спартак Антонович, нынешний директор, может серьезно сдать после предательства сына... По прошлой жизни я помню, что он серьезно заболел, когда начали распродавать обанкротившийся завод. А теперь? Здесь, в этом времени? Не хватит ли его удар раньше срока?

Эх, жаль, что благие дела всегда сопровождаются риском! Но Максим, имея такого героического отца, сам принял решение податься на темную сторону. И все происходящее – исключительно его ответственность. Но все-таки червячок сомнения, что и я мог приложить руку к страданиям старика, с причмокиванием ел мою интеллигентскую натуру.

Я решительно отогнал сомнения. Время не ждет, у меня еще не сдан номер. Однако я, уже наученный опытом, заранее оформил с метранпажем Правдиным все готовые полосы, в том числе свой расширенный материал о Павле Садыкове. Катя и Люда принесли мне истории еще нескольких чернобыльцев, которые я добавил к своим, сделав в итоге неплохую выборку. Про сто семьдесят девять человек я все-таки решил пока не говорить, послушав Краюхина. Достаточно и тех, кого я упомянул. Это потом можно будет подготовить продолжение, сделать цикл «Андроповские борцы с мирным атомом»... Анатолий Петрович прав, спешка сейчас повредит. В целом-то он на моей стороне. Молчит вот только до сих пор – и по поводу интервью, и по поводу статьи о ликвидаторах.

А ведь именно этим своим материалом я по-настоящему гордился – столько всего там использовал. Парни, которых я отправил в библиотеку, нарыли для меня в книгах нужные цитаты, бережно выписав их с указанием авторства и выходных данных источников. Леня сделал крутые кадры из больничной палаты. Зоя собрала мнения нескольких врачей, в том числе и профессора Королевича, а также главврача ЦРБ Валькенштейна. В общем, меня поддержала тяжелая артиллерия, и у Краюхина не должно теперь остаться сомнений. Вот только сам Павел стал чувствовать себя хуже – об этом мне сообщила Аглая. Сама позвонила на мой рабочий телефон, рассказала подробности и пообещала дальше отслеживать его самочувствие.

Время шло, Краюхин молчал. Я не выдержал и позвонил в приемную. Секретарша Альбина ответила, что Анатолий Петрович вернулся, но сейчас очень занят. Тут же успокоила, что волноваться незачем, о материалах первый секретарь помнит. Отправит гонца с ответом как только, так сразу.

Она положила трубку, оставив в моей душе нехорошее предчувствие.

Глава 2

Гранки в кабинет Клары Викентьевны я принес в начале шестого вечера. Краюхин так и не вернул одобренные материалы – не знаю, зачем он так делает. Проверяет меня? Собрался подставить? Нет, не хочу в это верить. Краюхин – мужик правильный. Подожду. А если не успеет – у меня есть полномочия отправлять номер в печать с заменой материалов. Главное, чтобы на них поставила свой ценз парторгша Громыхина.

– Спасибо, Евгений Семенович, – кивнула она, указав на свой стол.

Я аккуратно разложил полосы, в том числе резервные на случай отказа Краюхина, вернулся и пошел к себе. Уселся в кресло, откинулся и... сам не заметил, как закурил. От нервных переживаний старая привычка Кашеварова вероломно дала о себе знать. Я даже не понял, где и как обнаружил сигаретную заначку. Более того, у меня в столе даже пепельница нашлась, на которую я в свое время не обратил внимания и не выбросил.

– Куришь? – в дверь заглянул Бульбаш. – Дай-ка и я за компанию.

Я махнул рукой, он прошел в кабинет, уселся на свое привычное место, чиркнул спичкой. Время тянулось издевательски медленно, словно мы попали, как пишут в фантастике, в темпоральную аномалию.

– Хороший у тебя получился репортаж с милиционерами, – еще раз похвалил я.

– Спасибо, Жень, – кивнул Виталий Николаевич.

Он и впрямь отработал на славу, мой заместитель. Рассказал, как они с патрулем катались всю ночь на «уазике». Как вовремя защитили поздно возвращавшихся с танцев девушек от хулиганов. Как походя раскрыли ограбление одного из частных домов, поймав преступников на месте с поличным. И как спасали котенка, забравшегося на дерево и не сумевшего потом самостоятельно спуститься. Последняя история получилась донельзя трогательной: я просто представил, как крепкие вооруженные парни лезут на березу снимать пушистый комочек. А внизу стоит плачущая девочка, которой почти двухметровый милиционер протягивает спасенного питомца...

– Евгений Семенович, зайдите ко мне, – зазвонил внутренний телефон, и в трубке раздался голос Громыхиной. – Все в порядке, но пару полос нужно обсудить. Анатолий Петрович прислал свои правки.

Услышав это, я слегка выдохнул. Прислал свои правки – это не то же самое, что не утвердил. Значит, все хорошо, и нужно просто что-то переработать. Обычная практика во все времена. Но что могло не устроить Краюхина в статье о Павлике? Слова других ликвидаторов? Комментарии врачей? Пронзительные фотографии? Мы же все это с ним обсудили, он дал добро на аккуратное упоминание. Значит, кое-где просто надо пригладить, возможно, снизить накал. Это несложно, всегда можно прийти к разумному компромиссу. С такими мыслями, попросив Бульбаша остаться, я заглянул к Кларе Викентьевне.

– Звонил Анатолий Петрович, – сообщила она, перебирая в руках гранки. – Просил его извинить, но из-за подготовки к завтрашнему концерту он только сейчас посмотрел интервью и статью о чернобыльце. Вот, – она протянула мне всего один лист с размашистым автографом Краюхина, – он одобрил в таком виде, прислал с водителем. Я тоже подписала. Можете сдавать в набор.

– Хорошая новость, – кивнул я, а про себя поморщился, что Анатолий Петрович не позвонил мне лично и не предупредил. Все-таки это я редактор и заодно ответственный секретарь, а не Клара Викентьевна. Кроме того, я отправлял на сверку еще один материал помимо интервью. – Вот только, смею напомнить, правки должны были прийти по двум статьям.

– Все верно, – подтвердила Громыхина. – И текст о чернобыльце не пойдет, Евгений Семенович. Думала, вы догадаетесь. У вас есть что-либо на замену?

– Что с ней не так? – я ответил вопросом на вопрос.

– Излишняя эмоциональность, Евгений Семенович, – вздохнула Клара Викентьевна. – Надрыв, граничащий с паникой. Я понимаю, что с вашим знакомым случилась беда, и, насколько мне известно, им сейчас занимаются в ЦРБ. Королевич, кажется.

– Вы хорошо осведомлены, – сухо сказал я.

– Работа такая, Евгений Семенович, – пожалала плечами Громыхина. – Или вы думали, что я здесь просто так сижу? Считаете, будто я не знаю о проблеме? Знаю прекрасно. Вот только Анатолий Петрович вам ясно сказал: не бейте в набат. Да, он мне все передал и попросил проследить. А вы? Вы зачем-то привели рассказы еще нескольких чернобыльцев, показывая, что это массовая проблема, добавили информацию из других городов. Еще и медицинскими подробностями текст усложнили, фотографии эти ужасные поставили, заставили больного человека позировать! Статью нужно переделать. Исправьте и ставьте себе спокойно в следующий номер.

– Я не брал в материал ничего лишнего и уж тем более крамольного, – добавив в свой голос стали, подчеркнул я. – Мы с Анатолием Петровичем договорились, что я не стану упоминать сто семьдесят девять ликвидаторов, и я сдержал слово! При этом рассказы других чернобыльцев он одобрил. Принять во внимание состояние здоровья Павла Садыкова он также согласился. Все требования учтены. И вы должны были проследить за этим. Проследили? Вот и не занимайтесь самоуправством!

Я все еще не верил, что первый секретарь просто взял и зарезал мою статью после всех договоренностей. И мне очень хотелось, чтобы все это оказалось перегибом со стороны Громыхиной, на которую Анатолий Петрович возложил ответственность. Но подспудно я уже догадывался, что дело гораздо сложнее. Он же сам видел эту статью, вряд ли парторгша решила не учитывать его мнение. А это значит...

– Полосу не подпишу, – твердо сказала Клара Викентьевна. – И чтобы вам было понятней, это распоряжение самого Анатолия Петровича. Меняйте.

– Простите, что? – мне показалось, что я и впрямь не расслышал. Просто не хотел принимать правду.

– Меняйте! – повторила, повысив голос, Громыхина.

– Нет-нет, – я покачал головой. – Вы сказали, что Анатолий Петрович запретил подписывать полосу?

– Именно, – подтвердила Клара Викентьевна. – Это его правки, а не мои, поймите вы наконец...

И она протянула мне полосу со статьей о Павле Садыкове. На ней красной ручкой было исчеркано все, что могло показать истинное положение дел, привлечь внимание не только к героизму людей, но и к их состоянию. Медицинские показания. Цитаты из разных источников. Комментарии специалистов. Рассказы других чернобыльцев из разных городов.

Но почему? За что? Как так получилось? Испугался за собственную карьеру на старости лет? Решил перестраховаться? Эх, если бы можно было ему рассказать, что я знаю будущее. Что в политической верхушке страны сейчас плетутся интриги, и идеям гласности активно сопротивляются... Но уже скоро они возьмут верх, и граждане СССР будут знать больше о своем прошлом, о настоящем. О том, что на самом деле происходит в Чернобыле, как болеют и умирают люди. Все это будет чуть позже, но мы можем помочь нашим парням гораздо-гораздо раньше.

– А если я все же дам этой полосе ход? – я посмотрел прямо в глаза Кларе Викентьевне.

– Тогда можете смело прощаться и с должностью, и с партбилетом. Без моей подписи статья в газету не пойдет.

И как быть? Спорить? С Громыхиной не имеет смысла – это не ее решение, и даже убедить ее в чем-то, это ничего не изменит. Звонить Краюхину? Тем более глупо. Он видел финальный

вариант статьи, читал все, что я нашел, но его это не убедило. Значит, все кончено, я сделал все, что мог...

Я развернулся и привидением прошагал мимо застывшей в недоумении Валечки, зашел в свой кабинет, уселся в кресло и бессильно уронил голову на руки.

– Все нормально, Жень? – встревоженно спросил Бульбаш и потряс меня за плечо.

– Все в норме, Виталий Николаевич, – я заставил себя улыбнуться. – Устал просто. Ты давай пока в цех иди, а я следом. Мне чуть посидеть нужно, в себя прийти. Скажи, что меняем полосу Мирбах на горячее расследование от Сони. Надеюсь, Марта Рудольфовна на меня не сильно обидится.

Бульбаш закивал, суетливо собрался и пошел к верстальщикам. А я смотрел на изможденное лицо Павлика Садыкова по центру непринятой полосы и думал. Его все равно спасут, убеждал я себя. Он под присмотром грамотного врача, учителя Аглаи Ямпольской. Плюс о нем знают наша парторгша и первый секретарь райкома. Ему не дадут умереть. Ему помогут. Так зачем мне тогда рисковать своим будущим?

В голове пронеслись мои грандиозные ленинские планы. Развить газету, создать медиахолдинг, рулить медиаполитикой Андроповского и скоро опять Любгородского района. Ничего этого не будет, если я упрусь рогом и пойду наперекор Краюхину и Громыхиной. А так... Павла спасут, а я продолжу развивать родной советский «принт», буду готовить его к новым временам. И никто не уйдет обиженным. Лучше пожертвовать пешкой, чем королем...

Бах!

Я так сильно ударил кулаком по столу, что в первые секунды испугался, будто получил перелом. На звук, заполошно цокая каблучками, прибежала секретарша Валечка, но я успокоил ее, сказав, что все в порядке. Она покачала головой и скрылась в приемной.

Не смей, Кашеваров! Или Кротов, кто я сейчас больше, даже не знаю. Павел Садыков – не пешка. А ты – не король. Ты, Евгений, редактор районки, но прежде всего ты еще человек. Порядочный человек, а не крыса. Историю ликвидатора читатели должны узнать без прикрас. И не только историю, но и судьбу его самого, а заодно еще около ста восьмидесяти таких же Павликов из Андроповского района. В каждом из которых тлеет искра бомбы замедленного действия, имя которой Чернобыль.

Плевать! С моим талантом и знаниями о будущем я не пропаду. В конце концов, для чего судьба дала мне еще один шанс? Для того, чтобы я добился успеха, идя по головам, или чтобы оставался человеком? Думаю, для второго.

Я решительно встал и направился в цех предпечатной подготовки. Но перед этим схватил ручку и скопировал подпись Громыхиной на чистой копии полосы со статьей о чернобыльцах. Будь что будет! На душе стало одновременно противно и радостно. Странное ощущение. Я подделал подпись парторга и штатного цензора, по сути, совершил должностное преступление, но в то же время я этим самым спасаю людей. Пусть даже без их ведома.

– Наконец-то, Евгений Семенович! – обрадованно воскликнул метранпаж Правдин. – Все в порядке? Замен нет, кроме полосы Мирбах?

– Все... – начал я, и тут дверь в цех открылась.

В помещение вошла Клара Викентьевна и строгим внимательным взглядом обвела присутствующих. Задержалась на мне. Сердце замерло, руки непроизвольно смяли полосу с подделанной подписью.

– Все готово, Евгений Семенович? – спросила Громыхина, подходя ко мне с неотвратимостью танка и аккуратно выхватывая из моих рук злосчастный листок. Посмотрела на текст, на якобы свою подпись.

– Да, – еле выдавил я из себя, готовый ко всему.

– Тогда чего тянем? – прозвенел по цеху ее металлический голос. – Полосы сверены, все подписано. Сдавайте в печать!

Глава 3

Газета ушла в печать по графику, а Громыхина попросила меня зайти к себе в кабинет. Однако разговор у нас с ней все-таки состоялся раньше – когда мы ехали в лифте на четвертый этаж.

– Скажу прямо, Евгений Семенович, – Клара Викентьевна смотрела на меня поверх стекол очков, – ваша выходка с моей подписью обескураживает. Но при этом... вы меня восхитили, как бы это ни прозвучало.

– Чем же? – я удивленно поднял брови.

– Решимостью, – мгновенно ответила парторгша. – Вы и вправду очень изменились. В лучшую сторону. Подделка подписи – это лишь форма. Я верю, что вы это сделали из лучших побуждений. Но на будущее прошу: не делайте столь поспешных движений, чтобы не наломать дров. Лучше для начала поговорить.

– Согласен, – кивнул я. – Простите меня, Клара Викентьевна.

– Вы меня тоже, – улыбнулась Громыхина, правда, улыбка получилась довольно грустной. – Мне кажется, я слишком передала...

Странная фраза. Но уточнить я ее не успел. Мы как раз доехали до нужного этажа, дверцы кабины разъехались, и мы вышли в опустевший коридор. Пожилая уборщица возила серой тряпкой по полу, пахло слегка хлорированной водой. Пропустив нас, женщина улыбнулась, поправила косынку и продолжила свой нелегкий труд.

– Кофе? – предложила Клара Викентьевна, когда мы вошли в ее кабинет, и я плотно затворил дверь.

– Не откажусь, – кивнул я.

Пока Громыхина хлопотала у небольшого столика, я еще раз обвел взглядом помещение. Клара Викентьевна определенно любила читать, это я подметил уже давно. Вот только если раньше мне бросались в глаза хорошие, но довольно типичные для полок парторга книги, то сейчас я заметил явное обновление. «Три мушкетера» Александра Дюма, собрания сочинений Марка Твена, Антона Павловича Чехова и... «Большая медицинская энциклопедия», «Гражданская оборона» под редакцией Алтунина, уже известная мне книга маршала Василия Чуйкова. Этого раньше точно не было.

– Прошу вас, Евгений Семенович, – Клара Викентьевна поставила передо мной чашку с ароматным напитком и села в свое кресло. – Заметили обновление в моей библиотеке? Да-да, я тоже всерьез занялась этим вопросом.

– Скажите, почему вы не сразу одобрили материал? – я задал вопрос, интересовавший меня сильнее всего.

– Мне кажется, это и так теперь стало понятно, – она удивленно пожала плечами. – Чтобы проверить, насколько это для вас на самом деле важно, искренне ли вы верите в свои слова или просто нашли новый способ сделать карьеру. Только я все же думала, что вы просто будете более настойчивым, сможете убедить меня, где-то пошли бы на компромисс...

– Но зачем так сложно? – я отреагировал слишком эмоционально, даже едва чашку с кофе со стола не смахнул. – Почему нельзя было просто сказать?

– Это не сложно, – Громыхина внимательно посмотрела на меня и покачала головой. – Редактор районной газеты должен быть уверен в своей правоте и должен уметь договариваться. А не бежать подделывать подписи.

Мне стало стыдно. Теперь по-настоящему. С одной стороны, я терпеть не мог таких витиеватых схем, когда тебя фактически поддерживают, но прямо об этом не говорят. А с другой, я и впрямь выбрал сомнительный путь. Да, своего добился. Но какой ценой? Мы ведь еще даже не все обсудили.

– А что Анатолий Петрович? – мне очень хотелось, чтобы Громыхина рассказала больше, чтобы не оставила сомнений, объяснила все.

– Понимаете, он не хотел скандала, – ответила Клара Викентьевна. – Советский Союз столкнулся с настоящим бедствием, и сейчас меньше всего нужны разного рода инсинуации... В западной прессе уже всюду муссируется тема нашего разгильдяйства.

– Так поэтому ведь и нужно обо всем этом говорить! – возмущенно воскликнул я, даже привстал со стула.

– Сядьте, Евгений Семенович, – легким жестом остановила меня Громыхина. – Анатолий Петрович консультировался по этому поводу в обкоме, его просили... гм, не педалировать этот вопрос. Сейчас к теме Чернобыля приковано слишком много внимания тех, кому знать о нем нежелательно.

Я посмотрел на раскрытую книгу, лежащую по левую руку от Громыхиной. Судя по разноцветному рисунку на развороте, это географический атлас. Клара Викентьевна изучает на досуге политическую карту мира?

– США? – уточнил я. – Великобритания?

– Весь коллективный Запад, – подтвердила Громыхина. – Но вам, товарищ редактор, следует помнить, что помимо врагов внешних существуют враги внутренние. Агенты влияния. Диссиденты. Подпольные антисоветские организации. Для них проблемы чернобыльцев станут лакомым кусочком, если мы неправильно их преподнесем. Это же будет удар по советскому строю. Понимаете?

Я прекрасно уловил мысль Клары Викентьевны. Восемидесятые стали переломной эпохой в истории СССР, и тот же Чернобыль уже скоро будет считаться одной из точек невозврата. Своего рода катализатором развала. Во-первых, это огромные финансовые затраты на ликвидацию последствий. А во-вторых, результаты той самой гласности – люди были шокированы масштабом происходящих в стране событий. Афганистан, Чернобыль, маньяки Чикатило и Фишер, крупнейшие катастрофы на транспорте⁶. Все это подкосило людей, осознавших, как много от них скрывали. Масла в огонь подлили неизвестные дотоле факты из истории СССР вроде Новочеркасского расстрела⁷, Куреневской трагедии в Киеве⁸ или радиационной аварии на уральском комбинате «Маяк»⁹.

Если бы во всех этих случаях власти признали ошибки, а сами события не прятали под гриф «Секретно», все могло пойти совсем по-другому. И дело тут не в подпольных организациях и агентах влияния, о которых говорит Громыхина. Больше всего вреда стране принесли те, кто боялся рассказать о том же Чернобыле, кто скрывал правду о расстреле рабочих в Новочеркасске и глушил «вражеские голоса» вместо того, чтобы вступать с ними в дискуссию и побеждать аргументами. Причем в реалиях Союза, когда не было единой платформы вроде Твиттера или Ютьюба, созданных на Западе и готовых в любой момент поменять правила под себя, это действительно мог получиться разговор на равных. Когда каждая из сторон вынуждена следовать правилам и играть не на эмоциях и скандалах, а на фактах. Невероятная ситуация для моего будущего и вполне возможная в рамках идеальной советской идеи... Но такого слона нужно начинать есть по кускам. Иначе подавишься.

⁶ Евгений, в частности, имеет в виду Ашинскую трагедию 1989 года – крупнейшую в истории СССР и России железнодорожную катастрофу, в которой по разным данным погибли от 575 до 645 человек.

⁷ В июне 1962 года в городе Новочеркасске Ростовской области было подавлено выступление рабочих завода имени Буденного против повышения цен. Демонстрантов разогнали с применением боевого оружия, сами события в итоге были засекречены и стали известны широкой публике только в годы перестройки.

⁸ Техногенная катастрофа, произошедшая в Киеве (Украинская ССР) 13 марта 1961 года. В результате прорыва дамбы тысячи тонн пульпы (производственных отходов) затопили район Куреневку. Происшествие привело к многочисленным жертвам.

⁹ Кыштымская авария (или Кыштымская катастрофа) – одна из первых в СССР радиационных аварий. Произошла 29 сентября 1957 года на химическом комбинате «Маяк», расположенном в закрытом городе Челябинск-40 (ныне Озерск).

– Понимаю, – я кивнул в ответ Кларе Викентьевне. – И еще я так же хорошо понимаю, что если не будем говорить правду мы, то люди узнают ее от «вражеских голосов». Как думаете, это нужно стране и партии?

– Не пытайтесь вывести меня на полемику, Кашеваров, – Громыхина с улыбкой покачала головой. – У нас с вами одна цель – просвещать советских читателей, только передо мной, как парторгом издания, вдобавок стоит задача не навредить. Останавливать вас и, если нужно, даже резко осаживать.

– Поэтому вы сказали, будто я завербован? – я припомнил парторгше неприятные слова.

– Извините, – как мне показалось, искренне сказала Громыхина. – Издержки профессии.

– Я рад, что у нас теперь стало больше взаимопонимания, Клара Викентьевна, – я сделал последний глоток и отставил в сторону чашку. – А теперь скажите мне, только честно. Краюхин статью запретил?

– Скажем так, он ее крайне не рекомендовал, – мягко ответила парторгша. – Помните, я вам говорила, что в статье были его правки, а не мои?

– Помню, – кивнул я. – Решил убедиться. Думал, тоже проверка... То есть, если что, вы вместе со мной на эшафот?

– Как весело, отчаянно шел к виселице он, – грустно улыбнулась Клара Викентьевна, – в последний час в последний пляс пустился крошка Джон¹⁰. Ничего, Евгений Семенович, мы еще повоюем. Я в вас верю.

– Спасибо, – я не знал, что еще можно было сказать. Порой обычной благодарности бывает вполне достаточно. – А теперь предлагаю разъехаться по домам. Газета в типографии, все разошлись, а утреннюю планерку никто не отменял.

Парторгша не стала спорить, все уже и так было выяснено. Громыхина извинилась, причем дважды, еще и выразила решимость разделить ответственность вместе со мной. И это было сильно. Я все же недооценивал эту женщину. А вот Анатолий Петрович... За неполные две недели в этом времени я искренне уважал Краюхина, и тут вдруг такое странное изменение отношения с его стороны. Неужели он и вправду решил перестраховаться, фактически подставив меня и Громыхину? Ведь коснись чего, и отвечать нам действительно придется вдвоем с ней.

Обо всем этом я думал уже в машине – вопреки обыкновению я сегодня воспользовался служебным транспортом. Клара Викентьевна, понимая, что я больше не расположен к беседе, всю дорогу молчала. Мы только вежливо распрощались с ней возле нашего общего дома и разошлись по подъездам. Очень хотелось упасть в кровать без душа, но я пересилил себя.

А потом уснул прямо перед телевизором, едва началась программа «Время».

* * *

Утром события понеслись как бешеная кобыла, убегающая от живодера. Началось все с того, что горожане, как и в прошлую среду, толпились у стенда на автобусной остановке и обсуждали свежий номер газеты. Естественно, я не мог пройти мимо.

– Я же говорил, что от Чернобыля мы еще наплачемся! – тряс головой высокий очкарик с неммытыми волосами и в длиннополом сером плаще.

Он явно пытался привлечь внимание к своей персоне, но его особо не слушали. Народ обсуждал факты, приведенные в статье, рассказы знакомых и совершенно дикие слухи, непо-

¹⁰ Клара Викентьевна цитирует песенку «Прости, мой край» из сказки «Робин Гуд» в исполнении Клары Румяновой (сборник «В мире много сказок», 1983 год, аранжировка инструментального ансамбля «Мелодия» под управлением Николая Левиновского). Текст: слегка измененное стихотворение С.Я. Маршака «Смерть Макферсона». Последнее, в свою очередь, являет собой перевод стихотворения Роберта Бёрнса M'Pherson's Farewell, основанного на шотландской балладе MacPherson's Rant.

нятно откуда взявшиеся. Я жадно ловил каждое слово, каждую фразу, пытаюсь понять, насколько мне удалось достучаться до людей.

– Пашка Садыков? Он же с моим Витькой в одном классе учился!

– Лучевая болезнь, говорят, живо изнутри сжигает...

– У зятя знакомый есть, а у того друг, так вот он рассказывал, что в Припяти анаконды завелись...

– Теленка с двумя головами видели...

– Думаете, зачем военные сборы объявили? По атому стрелять? Да там нечисть из-под реактора прет!

– Да ну вас с вашими байками! Вы почитайте лучше, что Кашеваров пишет!

– А военные там зачем? А? зачем?

– Вы ИМР на фотографии видите? Вот, смотрите! Это инженерная машина разграждения, их на случай атомной войны делали. Вот и пригодились...

– У военных техника, ресурсы. Это ж если всю армию туда отрядить, они быстро порядок наведут. Но границы ведь тоже охранять нужно.

– Всем миром навалиться хотят...

– По-другому никак, вот Кашеваров и пишет. Стране брошен вызов, люди плечом к плечу... И забывать их нельзя, вот в чем смысл!

– Да-да, он об этом и пишет! У нас тут все отлично, а они оттуда живыми мертвецами возвращаются!

– В Америке, я слышал, за два дня такое излечивают...

– И наши научатся!

– Мой сосед – тоже чернобылец. Плох совсем.

– А у меня сын там был. И ничего...

– Товарищи, ну вы что такое несете? Люди нас с вами защищали своими телами, как в войну! А вы бред какой-то рассказываете! Телята с двумя головами, анаконды... Тьфу!

– Ну, про мутации и в научных книгах пишут...

– Да о чем вы! Тут про наших парней, им помогать надо!

– Верно говоришь, сынок! Мой племянник там был, сказывал, что страшное дело творится!.. Все, как в статье! За душу тронул!

– И не говорите!

Я слушал, затаив дыхание. Если отбросить откровенный трэш, как это будут называть в будущем, люди обсуждали подвиг ликвидаторов и сочувствовали их судьбе. То, что нужно! То, чего я хотел добиться! И пусть я пропустил уже несколько автобусов, плевать, когда тут самый настоящий живой отклик! Кстати, я был не единственным, кто опаздывал – люди периодически спохватывались, глядя на часы, и буквально впрыгивали в салон. Причем толпа у газетного стенда не уменьшалась, а только росла. Присмотревшись, я понял, как это происходит – из соседних домов выходили те, кому не требовалось бежать на работу. Пенсионеры, люди на больничном бюллетене, мамы в декрете. Кто-то видел столпотворение из окна, другие интересовались у бегущих соседей, что происходит, и тоже, одевшись, шли к остановке.

– Здорово, Семеныч! – меня окликнули, и я, обернувшись, узнал Петьку Густова, соседа-афганца.

Он был в легкой саржевой куртке, из-под расстегнутой молнии красовался десантный тельник. На голове ветерана красовался лихо заломленный голубой берет.

– Привет, – мы обменялись рукопожатиями.

– О чем в этот раз написали? – улыбнулся Густов и, аккуратно растолкав нескольких зевак, пробился поближе к стенду.

– Про Чернобыль, – ответил я, и Петька нахмурился, но ответить мне не успел.

– Говорят, водка от радиации хорошо помогает, – слышался чей-то явно нетрезвый голос.

Я повернулся на звук. Точно – мужик в засаленной телогрейке с лицом ценителя этиловых паров. На него возмущенно зашикали, кто-то пристыдил, посоветовав пойти проспать, и пропойца, смутившись общественного мнения, решил было прислушаться к гласу народа. Но тут на сцене вновь появился очкарик в сером плаще. Он подошел к пьянчужке и, похлопав его по плечу, заговорил неожиданно громким голосом:

– А ведь он прав, граждане! – люди принялись оборачиваться, а я, посмотрев с тоской на очередной «ЛиАЗик», решил понаблюдать за происходящим. – Думаете, почему в стране объявили сухой закон? Потому что знали об аварии! Заранее знали и ни о чем нас не предупредили!

– Правильно! – осмелел алкоголик и тут же покраснел, но точно уже не от выпитого, а от испуга.

На него, раздвигая словно бульдозер толпу, надвигался Петька Густов с налитыми кровью глазами. У меня внутри было все упало, однако мой сосед, хоть и оказался экспрессивным, в руках себя держать мог. Он подошел ближе к странной парочке, смерил пропойцу небрежным взглядом и повернулся к очкарику.

– Расскажи-ка мне, где связь между Чернобылем и запретом на водку, – твердо потребовал Петька.

– Посмотри на этого несчастного! – громко заговорил очкарик, ничуть не испугавшийся афганца. – Он вынужден пить одеколон, пока весь алкоголь идет в зону!..

Люди на остановке возмущенно загалдели, но осуждали они не правительство, запустившее антиалкогольную кампанию, а провокатора в сером плаще. Я не понял, чего тот пытался добиться, зачем нес откровенную околесицу, но мой мозг из будущего быстро провел параллель с городскими сумасшедшими, которых я в своей прошлой жизни видел немало. Такие, как этот парень с невымытыми волосами, долгое время осаждали редакции, пока не набрали бешеную популярность соцсети и телеграм-каналы. И тогда вдруг некоторые такие люди возомнили себя журналистами, рассказывая своим подписчикам «всю правду». Плоская Земля, инопланетяне, заряженная вода, заговор рептилоидов, тайная война с демонами из параллельного мира, гомеопатия, зомбирующее излучение...

Помню, одна такая дама позвонила в редакцию «Любгородских известий», когда я еще был неопытным журналистом. Красиво и правильно складывая слова в предложения, женщина пожаловалась мне, что ее преследуют. Профессиональная жилка во мне тут же заиграла, и я принялся выпытывать подробности у собеседницы. Она охотно отвечала на мои вопросы, приводила слова известных правозащитников, которые «разводили руками», едва услышав о ее ситуации. «Против вас работают такие силы, что не подступиться», – сетовали, по словам женщины, топовые адвокаты. А когда я спросил, за что же ее преследуют, дама невозмутимо ответила: мол, за то, что она сторонница действующего президента. И когда я, оторопев, поинтересовался, как так может быть, услышал многозначительную фразу:

– А вот то-то и оно!

Это было мое первое знакомство с такими людьми. Впоследствии я уже знал, как с ними общаться, а наши секретарши Кристина и Ольга ловко отсеивали правдорубов и городских сумасшедших, получив один раз втык от Рокотова, нашего генерального. Кто-то из них, уже не помню, кто именно, дал некоему доморощенному конспирологу номер его личного телефона. Одного раза оказалось достаточно, и наш холдинг облегченно выдохнул. А потом и большинство городских сумасшедших ушли в онлайн.

Мои размышления и напряженный спор между Густовым и очкариком прервали сирены. К остановке подкатил милицейский «уазик», а следом за ним – «рафик» скорой помощи с дополнительной надписью «Специальная».

– Вы не вернете тридцать седьмой! – вдруг закричал очкарик, оттолкнув с непонятно откуда взявшейся силой Густова. – Карательная психиатрия – это политическое преступление! Горбачев объявил гласность!

Из «рафика» вышли два рослых парня-санитара и вежливо, но уверенно, приняли буянящего парня из рук милиционеров. Тот моментально успокоился и дал проводить себя в автомобиль «скорой». Взволнованные горожане рассосались по соседним домам и автобусам, некоторые благодарили парней в погонах. И тут я услышал интересную фразу:

– Опять у Лехи осеннее обострение.

Из глубин памяти всплыл до боли знакомый образ, и я понял, с кем мне сейчас довелось познакомиться. А странный день еще только начинался.

Глава 4

Вместо привычного «ЛиАЗика» мне попался редкий в моем городе ЛАЗ-695, еще ранних выпусков с большой буквой «Л» спереди. Основной поток пассажиров схлынул, и мне даже удалось присесть рядом с пожилым ветераном с тросточкой. Я откинулся на спинку сиденья, посмотрел на часы, посетовал, что опаздываю, и задумался.

Без последствий теперь уже точно не обойдется. Пусть Громыхина на моей стороне и согласна разделить ответственность, сомнительно, что нас просто поругают. Я уже думал о том, что моя карьера может завершиться печально, и был к этому готов. В конце концов, останусь тем же корреспондентом в родной газете, а когда цензура падет, вновь добьюсь места главреда. Но это вовсе не значит, что я не буду бороться сейчас. Еще как буду!

А потом... Гласность в ее привычном понимании наступит уже в марте следующего года, тысяча девятьсот восемьдесят седьмого. Именно тогда на страницы газет хлынут исторические откровения и политический плюрализм, а концу десятилетия и вовсе возникнут первые советские свободные СМИ. Ну, как свободные – скорее независимые от действующей власти. Но сейчас, осенью восемьдесят шестого, я с трудом выпустил свой второй в жизни номер газеты. А встреченный мной на остановке одиозный персонаж пока еще не набрал достаточно сторонников.

Звали его Алексей Котенок, с ударением на последнем слоге, и был он широко известным в узких кругах андроповским диссидентом. Учился на журналиста, но с работой у него не срослось – парень оказался идейным антисоветчиком и первую свою акцию протеста провел еще в школе. Наотрез отказался вступать в ряды пионеров. Вопреки распространенным уже в будущем стереотипам его никто не кошмарил – просто не выдали красный галстук. Мне еще мама потом рассказывала, что у нее в классе тоже был такой мальчик. Не захотел быть пионером, его и не заставляли. Но для Котенка это было делом принципа.

Уже в конце восьмидесятых он организует собственное общественное движение, соберет подписи в поддержку возвращения Андроповску исторического названия, будет защищать Любичу от загрязнения, а тех же чернобыльцев – от произвола отдельных чиновников. Так что здесь мы с ним в какой-то мере даже союзники. Однако при всем этом Алексей Котенок жутко ненавидел советскую власть и боролся с ней всеми доступными ему методами, даже работал в конце восьмидесятых и начале девяностых над созданием антикоммунистической городской газеты. Издания грязного, вовсю использовавшего технологии черного пиара. Фактически мой будущий конкурент на информационном поле Андроповска-Любгорода. Что любопытно, на момент моей гибели в две тысячи двадцать четвертом году Котенок по-прежнему оставался видным оппозиционером местного разлива – даже избирался в региональное Законодательное собрание от района, но не набрал достаточно голосов. Зато очень активно вел социальные сети, делая это, стоит признать, довольно-таки грамотно. Даже свою газету время от времени выпускал, хотя уже не настолько грязную, как в переходный период.

– Евгений Семенович, как хорошо, что вы все-таки пришли! – испуганная Валечка выскочила из-за стола, едва завидев меня, ввалившегося в приемную после утреннего приключения.

– Сильно я опоздал? – я посмотрел на висящие на левой стене часы. – Пять минут, все равно неприятно... Все уже собрались?

– Евгений Семенович, – секретарша заметно нервничала, даже чуть не сбила со своей блузки нарядный галстук-бант, размахивая руками. – Планерка для журналистского коллектива перенесена, а вас ждут в ленинской комнате. Давайте я ваш плащ повешу.

– Спасибо, Валечка, – поблагодарил я, понимая, что пахнет жареным. Впрочем, как оно и ожидалось.

Я отдал секретарше верхнюю одежду, вышел в коридор и, свернув направо, сделал несколько шагов в сторону ленинской комнаты. Той самой, которую в будущем станут использовать как конференц-зал. А сейчас я открыл дверь и вошел в просторное помещение с большим столом. В дальнем конце комнаты стоял большой гипсовый бюст Ильича, знамена, кубки, вымпелы и целая галерея почетных грамот. А посреди всего этого великолепия, сидя за столом, выделялись Громыхина и Краюхин. Был в их компании и некто третий – пожилой седовласый мужчина с идеальным пробором и почти брежневскими бровями.

– Проходи, Евгений Семенович, – Анатолий Петрович указал мне рукой на стул. – Присаживайся.

– Доброе утро, товарищ Кашеваров, – вежливо, но с каким-то явным напряжением в голосе произнесла Клара Викентьевна. Я даже мысленно ей посочувствовал, ведь она фактически находилась между молотом и наковальней. Интересно, не сдастся в последний момент, не прогнется? Не переобуется в воздухе, повесив всех обезьян на меня?

– И вам здравствуйте, товарищи, – нарочито бодро ответил я. – Прошу извинить за опоздание, собирал мнения читателей газеты. И хочу заметить...

– Об этом мы с тобой сейчас и поговорим, – оборвал меня Краюхин тоном, не предвещавшим ничего хорошего. Нет, не похоже было, что он испытывает ко мне личную неприязнь. Скорее тоже сейчас размышляет, что со мной делать с наименьшими потерями. Все-таки идейность в первом секретаре удачно соседствует с прагматизмом.

Я присел, чувствуя себя как на суде большевистской тройки. И особенно меня напрягал этот незнакомец в темно-синем костюме с отливом. Есть у меня такое ощущение, что этим балом правит именно он, а не Анатолий Петрович с Кларой. Как бы оба они ко мне ни относились, решать, похоже, будет этот бровастый.

– Ладно тебе, Краюхин, не перегибай, – неожиданно улыбнулся тот. – И так застращали бедного редактора, который наверняка ночь не спал, о своем поступке думал. Вон, опоздал даже. Вам ведь есть что нам рассказать, Евгений Семенович?

– Смотря о чем вы хотите услышать, – я пожал плечами с напускным равнодушием. – Если о подготовке нового выпуска «Андроповских известий», то планерки еще не было.

– Вот-вот, – опять улыбнулся незнакомый функционер, и в этой улыбке промелькнуло что-то фальшивое. – Именно о газете мне бы и хотелось услышать. Давайте так. Какова задача советского печатного издания?

– Информировать граждан о происходящем в Союзе и мире, – ответил я. – Давать четкую объективную картину.

– И доносить до читателей позицию коммунистической партии, – подсказала Громыхина, поправляя воротничок, будто ей невыносимо душно. Видимо, эта фраза ожидалась именно от меня, и так нашей Кларе Викентьевне было бы проще за меня заступиться. Что ж, мой прокол, сознаюсь.

– Правильно, – тем временем кивнул седовласый уже без улыбки. – Задача печатных периодических изданий состоит в идеологически правильном информировании советских граждан. А вы, дорогой Кашеваров, забыли о важности партийной составляющей. Вот что это?

Он брезгливо взял в руки газету, будто подобрал ее на помойке, и повернул в мою сторону разворот со статьей о чернобыльцах.

– Это материал о наших андроповских ликвидаторах, – невозмутимо ответил я.

– Я и сам вижу, – все еще спокойно усмехнулся функционер. – Но как она написана, а? Разве это советская статья? Ощущение, что ее написал журналист «Би-Би-Си», но точно не «Андроповских известий».

– Насколько я знаю, международные стандарты журналистики применимы и к «Би-Би-Си», и к «Правде», и к нашей газете, – парировал я, внимательно наблюдая за седовласым. – Каковы ваши конкретные претензии?

Мой оппонент на мгновение поморщился, словно попробовал лимон, однако сдержался. Опасный противник.

– Претензии, – повторил он, усмехнувшись. – Вы мне скажите, кто такие ликвидаторы? Любой советский человек ответит: герои. Так почему в вашей статье герои жалуются на жизнь? Где самоотдача и посыл молодым поколениям? Где направляющая роль партии? Почему этот ваш Садыков на фотографии не в орденах, а на больничной койке?

– Насчет орденов не ко мне вопрос, – ледяным тоном парировал я.

И вот тут все еще незнакомый мне партийный функционер не выдержал. Видимо, давно не сталкивался с общением на равных, привык давить молчаливых овечек и вдруг получил неожиданный отпор. Вся мнимая доброжелательность моментально слетела с его лица, и он перешел на повышенный тон.

– Вы забываетесь, Кашеваров! – лицо его перекосило от гнева. – Написали отвратительный пасквиль, а теперь еще подвергаете сомнению работу партийных органов! Не к нему вопрос, видите ли! Вы что хотели сказать своей цидулкой? Что в Советском Союзе не умеют лечить лучевую болезнь? Не заботятся о героях? Пытаются замолчать их проблемы?

– Я хотел показать как героическую сторону жизни ликвидаторов, так и последствия их тяжелой работы, – в отличие от моего визави я держал себя в руках, излучая уверенность и спокойствие. – Считаю, советское общество имеет право об этом знать. А сами герои могут просить о помощи.

– Молчать! – седовласый грохнул кулаком по столу. – Отличный подарок вы сделали на День комсомола, товарищ редактор! Это просто вредительство! Диверсия в пользу Запада! А вы? Прошляпили лиса в курятнике, товарищи коммунисты! Убрать его из газеты немедленно!

– Но Богдан Серафимович? – Краюхин изумленно повернулся к нему. – Мы ведь хотели только обсудить, проработать...

– А ты, Анатолий Петрович, в кресле своем не засиделся? – седовласый даже не посмотрел на первого секретаря райкома, продолжая буравить взглядом меня. – У тебя тут самая настоящая контра в редакции развелась, ты мне еще о проработках говорить будешь! Я что, по-твоему, Николаю Федоровичу¹¹ должен докладывать? О том, как у тебя в районе в День комсомола такая дрянь выходит?

Все это время я старался сдерживаться, но именно эти слова Богдана Серафимовича прозвучали словно пощечина. Стерпеть такое было уже невозможно.

– Дрянь? – возмутился я. – История парня, который возил ликвидаторов на автобусе? Или, быть может, дрянь – это комментарии ведущих врачей? Вы, извините, статью хотя бы читали или довольствовались заголовком и фотографией?

К такому седовласый оказался явно не готов. Он глотал воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба, даже галстук ослабил.

– Да как ты смеешь, щенок! – наконец, процедил он сквозь зубы. – Я все прочитал, и не по одному разу. Всю твою филиппику в адрес советской власти!

– Это какую же? – усмехнулся я.

– Мракобесие! – функционер то ли уже не слушал меня, то ли сознательно избежал ответа. – В советской газете про колдовство пишут! Тьфу! А я за тебя, Кашеваров, перед Татарчуком, между прочим, лично краснел! И за тебя, Анатолий Петрович, тоже!

Богдан Серафимович только теперь посмотрел на Краюхина, а я зато вспомнил, наконец, кто он такой. Фамилия его была Хватов, и он возглавлял «Андроповские известия» в шестидесятых и семидесятых. Потом его перевели в областной центр, где он входил в редакционный совет «Калининской правды» и занимал не последнюю должность в обкоме. Что самое парши-

¹¹ Имеется в виду Николай Федорович Татарчук – первый секретарь Калининского обкома в 1985–1990 годах, фактический руководитель региона.

вое, районки формально подчинялись областному изданию, и опять же формально Хватов мог вмешиваться в работу моей газеты. Его портрет, к слову, тоже висел в нашей «галерее славы» наряду с Кашеваровым и другими редакторами. Только вот Бульбаша, кстати, там не было, я вот что еще вспомнил. Видимо, при составлении почетного списка решили не акцентировать внимание на Виталии Николаевиче из-за его пагубного пристрастия. А ведь несправедливо все-таки...

– В общем, так, Евгений Семенович, – тем временем Хватов немного успокоился и перестал брызгать слюной. – От своего поста ты пока отстраняешься, соответствующий приказ я подпишу, полномочия у меня на это имеются, как ты понимаешь. Но есть для тебя и хорошая новость. Все-таки до этих своих демаршей ты газетой нормально руководил, так что, учитывая твои бывшие заслуги, в редакции я тебя оставляю, так уж и быть. Переведу в старшие корреспонденты. А там посмотрим, кем тебя заменить. Есть перспективные-то, Клара Викентьевна?

– Арсений Степанович Бродов у нас числится одним из заместителей, – ответила Громыхина. – И Виталий Николаевич Бульбаш. Из молодых же...

Я внимательно слушал Клару Викентьевну, которая осторожно отметила, что молодежь пока еще не готова возглавить газету, а Евгений Семенович, то бишь я, высококвалифицированный и ответственный редактор. И, возможно, стоит дать мне шанс, взять на поруки, помочь направить энергию в мирное русло. А параллельно в моей голове укладывалась мягкой кошкой мысль: да, меня все-таки сместили, как я и опасался, но при этом оставили в редакции. Конечно, обидно, что старый хрыч Хватов уже подыскивает мне замену, однако еще не вечер. Была мысль прямо сейчас встать в позу и потребовать официальную бумагу из обкома, вот только я понимал, что он не блефует. Нет, мы пойдем другим путем.

– Ладно, посмотрим, – между тем, властно махнул рукой Богдан Серафимович, останавливая Громыхину. – Ты мне Кашеварова-то не защищай, он американские методы работы хотел в газету ввести. Хотел, Кашеваров?

И снова меня неприятно кольнуло внутри: Метелина. Вряд ли кто-то еще меня сдал, а старушка и впрямь зуб заточила. Интересно, и как она на Хватова вышла? Анонимку написала – мол, довожу до вашего сведения?..

Как бы то ни было, мне теперь надо что-то придумать. Я верю, что выкарабкаюсь, но пока что все валится, будто карточный домик – не только задуманный мной цикл статей о немирном атоме и текст про подвальные «качалки», но и, похоже, концерт в честь Дня комсомола. А ведь он, между прочим, уже сегодня. Интересно, зарубит Хватов заодно и мою инициативу с советским роком?

– Перерыв десять минут, полагаю, устроит, коллеги? – обратился тем временем седовласый к Громыхиной и Краюхину. – Отлично. Евгений Семенович, подготовьте, пожалуйста, передачу дел и попросите Варвару организовать сбор коллектива редакции. Всех, а не только журналистов, и здесь, в ленинской комнате.

– Ее зовут Валентина, – подметил я.

– Ну да, Валентину, – развел руками Хватов. – А я как сказал?

Я ничего не ответил и вышел в коридор. Внутри меня немного потряхивало, но снаружи я старался держаться. Может, швырнуть на стол партбилет и уволиться? Ну уж нет! Не для того я тут все организовывал, чтобы взять и бросить! Да и велика ли важность, редакторское кресло? Если Хватов поставит вместо меня Бульбаша или Бродова, стану серым кардиналом. А если нет...

Мелькнула мысль, что партийный функционер вполне может прислать замену из Калинина. И это гораздо сложнее. Со своими всегда можно договориться, а вот человек со стороны будет просто делать по-своему. Точнее – по указке из областного центра. Что ж, прямо сейчас решение не найти, надо дождаться планерки. Передам дела Хватову, а когда придет понимание, как все будет дальше, тогда и составлю план.

– Валечка, организуйте, пожалуйста, полный сбор коллектива в ленинской комнате, – попросил я секретаршу, улыбнувшись как ни в чем не бывало. – Начинаем через десять минут.

Девушка кивнула в ответ, и на лице ее отражалось полное понимание происходящего. Меня списали.

Глава 5

Журналисты, удивленно переговариваясь, заходили в просторную ленинскую комнату и рассаживались на стулья. Следом пришли сотрудники остальных подразделений – верстальщики, корректоры, бухгалтерия, автопарк, не было только работников столовой, но они не подчинялись редакции, а относились к отраслевому тресту.

Народ чувствовал перемены, но еще не понимал, как к ним относиться. Каждый то и дело поглядывал на меня, не смея задать вопрос на глазах у партийных бонз. И все же догадаться было нетрудно, потому что сам я сел не в президиуме, а на обычном стуле среди остальных. Рядом плюхнулся пахнувший одеколоном Бульбаш, по другую сторону примостилась Марта Мирбах.

– Доброе утро, товарищи! – начал гость из Калинина. – С кем-то мы знакомы, с другими нет, а потому представляюсь. Меня зовут Богдан Серафимович Хватов, и с сегодняшнего дня я временно исполняю обязанности редактора «Андроповских известий». Ах да, еще и ответственного секретаря... Совсем забыл, что у вас тут такой бардак.

По комнате пролетел шепоток, но седовласый снова заговорил, и сотрудники газеты затихли.

– Евгений Семенович, попрошу вас доложить о планах на новый номер и готовности материалов. – Хватов посмотрел на меня. – Я слышан, что вы делаете запас, и весьма признателен вам за это. Итак?

– В запасе редколлегии имеются материалы из цикла «Человек труда», – я встал и принялся рассказывать, чувствуя, как каждый в ленинской комнате впился в меня взглядом. – Корреспондент Зоя Шабанова готовит материал... – я вовремя сообразил, что Хватову не стоит знать о музыкантах, – готовит материал о молодежной культуре. Как раз с привязкой к дню рождения комсомольской организации.

– Это похвально, – кивнул Богдан Серафимович. – Что еще?

– Еще специальный корреспондент София Кантор участвовала в расследовании ОБХСС, на эту тему ею пишется статья, – добавил я, посмотрев краем глаза на девушку.

А дальше произошло то, чего не ожидал никто в этом помещении. Соня решительно встала и задала вопрос, ее тонкий, но сильный голос проникал в самую душу:

– Скажите, Богдан Серафимович, а по какой причине от нас уходит Евгений Семенович? – девушка перевела взгляд на меня, и моментально стало понятно, что она уже обо всем догадалась. Остальные наверняка тоже, просто именно эта худенькая девчушка единственная взяла на себя смелость высказаться. Эх, еще бы хоть кто-нибудь...

– Евгений Семенович не уходит, – широко улыбнулся Хватов, будто чеширский кот. – Он остается в редакции, освобождаясь от должностей редактора и ответственного секретаря.

– Почему? – вздернула носик Соня.

– По профнепригодности, – улыбка сошла с лица Хватова.

– Удивительное дело, – покачала головой девушка. – Насколько я знаю, Евгений Семенович – отличный редактор. И журналист, кстати, тоже. Правда, товарищи?

– Я ручаюсь за Кашеварова, – неожиданно встал Бульбаш, но Хватов тут же резко его осадил.

– Ты за себя-то не можешь поручиться, – глаза Богдана Серафимовича сузились до щелочек. – Сядь.

На этот раз Хватов не стал повышать голос. Просто приказал, и Виталий Семенович тут же вернулся в исходное положение, исходя красными пятнами и покрываясь испариной.

– Извините... – подала тихий голос Марта Рудольфовна Мирбах. – Но нам всем и вправду отлично работалось с Евгением Семеновичем.

– Поддерживаю, – встали один за другим фотографы Леня и Андрей, корреспонденты Аркадий и Никита, даже старик Шикин. – Поддерживаем!

– Поддерживаю! – заикаясь и густо краснея, встала и Зоя Шабанова.

– Мы за Евгения Семеновича! – пискнули неразлейвода Катя и Люда.

Поднялся гвалт, в котором из журналистов не участвовали только несколько человек. И в их числе – Людмила Григорьевна Метелина. Она сидела поодаль и демонстративно отвернулась, едва я взглянул на нее.

– Тишина! – громко скомандовал Хватов. – Тихо, товарищи! Я ценю, что вы хорошо относитесь к коллеге. Но решение принято...

– Кем оно принято? – перебила седовласого Соня.

– На высшем партийном уровне, – побагровел Хватов. – Вы очень смело ведете себя, юная девочка. Или думаете, что наличие родственника в «Калининской правде» автоматически означает охранную грамоту?

– Не впутывайте отца! – запальчиво крикнула Кантор. – Он здесь ни при чем! А увольнять Кашеварова вы не имеете права!

– Это решенный вопрос! – прогремел Хватов, для верности треснув кулаком по столу.

– Что ж, – в голосе Сони проявились незнакомые ранее железные нотки. – Если это так, то в обкоме должны будут его подтвердить.

– Папе позвоните? – некрасиво осклабился Хватов.

– Как вы неоригинальны, Богдан Серафимович, – Соня буквально лучилась уверенностью и решимостью. – Я напишу журналистский запрос в обком. Если все так, как вы говорите, мне подтвердят.

– Ваше право, коллега, – было видно, что лицо Хватова потемнело. Сомневается? – Вам еще есть что сказать?

– Думаю, достаточно, – усмехнувшись, ответила Соня. – Поговорим потом, когда придет ответ из обкома.

Сотрудники зароптали, но поддержать Соню Кантор теперь никто не отважился. Ее в случае чего действительно мог защитить отец в «Калининской правде». У других такого прикрытия не было. Впрочем...

– Я тоже напишу в обком, – уже не просто красная, а бордовая Зоя Шабанова встала.

– И я, – крикнув, вскочил со своего места Бульбаш.

– Мы напишем коллективное письмо! – едва слышно пискнула Марта Мирбах, но для нее, очень тихой интеллигентной дамы, даже это было высшим проявлением храбрости.

– Товарищи, давайте решать вопрос конструктивно, – попыталась вставить свои пять копеек Громыхина. – Решение может быть пересмотрено, но нам точно не нужен скандал...

Журналисты принялись возмущенно переговариваться, уже не стесняясь Хватова и остальных. На Клару Викентьевну смотрели с плохо скрываемым возмущением, хотя она-то и вправду пыталась решить дело миром. И перед гостем из областной столицы меня аккуратно прикрывала. Даже не знаю, что могло произойти дальше, но положение спас Краюхин. Он попросил тишины и обратился к моему неожиданному приемнику:

– Богдан Серафимович, я предлагаю учесть мнение коллектива.

– Я... – Клара Викентьевна подняла правую руку. – Я поддерживаю предложение товарища Краюхина. Как я уже сказала, Евгений Семенович Кашеваров обладает высокой квалификацией. И, как мы смогли убедиться, пользуется в коллективе авторитетом.

– Что ж, – Хватов попытался сделать хорошую мину при плохой игре. – Мы против перегибов. Каждому нужно дать шанс, даже таким, как Кашеваров... – на этих словах журналисты возмущенно выдохнули. – Я даю Евгению Семеновичу испытательный срок. Месяц. Или четыре номера, но только в качестве корреспондента. Если он докажет, что осознал ошибки,

готов дальше нести свет знаний советским людям, тогда его кандидатура на пост редактора вновь будет рассмотрена.

– Евгений Семенович, мы с вами! – шепнула мне Мирбах, пока наш разговор заглушили дружные аплодисменты.

Я кивнул Марте Рудольфовне, а потом встал. Шум и гам сразу же прекратился, все с интересом поглядывали на меня. Хватов тоже смотрел – оценивающе, но больше ненавидяще. Интересно, неужели он и в самом деле считает меня классовым врагом? Хотя скорее не так – не классовым врагом, а змеей, пригревшейся на груди трудового народа. Но ничего, на моей стороне поддержка коллектива, а еще неумолимый ход истории. Ветер перемен, который вот-вот повеет и над советским Андроповском.

– Я согласен на испытательный срок, – мне не хотелось произносить пламенных речей, достаточно было лишь этой короткой фразы.

– Вот и замечательно, – улыбнулся Хватов. – Тогда с вас и начнем. Какой материал вы подготовите в следующий номер газеты?

– Репортаж о праздновании Дня комсомола, – я использовал загодя заготовленный вариант. – Вечером в районном доме культуры состоится концерт художественной самодеятельности.

– Вот и приступайте, – нарочито спокойно сказал Богдан Серафимович.

* * *

После планерки меня в коридоре поймали Краюхин с Кларой Викентьевной. Хватов прошествовал в теперь уже его кабинет и не мог нам помешать. Вот только я, если честно, наоборот, хотел, чтобы он сейчас грозно выглянул из-за двери и разогнал нас. Не было у меня никакого желания говорить с парторгшей и первым секретарем. Просто хотелось выдохнуть.

– Евгений Семенович, ты, главное, сохраняй спокойствие, – уверенно убеждал меня Краюхин. – Сейчас наверху черт знает что творится... Переждать надо.

– Делайте то, что говорит Хватов, не спорьте, – вторила ему Клара Викентьевна. – Тише едешь, дальше будешь. Уверена, что ваша кандидатура вновь будет рассмотрена.

– Хорошо, не волнуйтесь, – ответил я. – Я спокоен. А сейчас, извините, мне нужно работать. Статья сама себя не напишет.

Сказав так, я заглянул в кабинет, где работал в будущем. Там сидели трое бунтовщиков – Соня Кантор, Зоя Шабанова и Виталий Бульбаш. Не было только Марты Мирбах, но я не придавал этому особого значения. Вряд ли она просто так ляпнула про коллективное письмо в обком, но даже если вдруг передумала, мне достаточно и обычной моральной поддержки. Прорвемся!

– Спасибо, коллеги, – еще раз поблагодарил я, и лица мятежной троицы озарились улыбками. – Мне очень приятно, что вы за меня вступились.

– Это искренне, Жень, – кивнул Бульбаш. – Ты сам-то что теперь собираешься делать?

– Работать, – я с улыбкой пожал плечами. – Больше будет времени на статьи, а со сдачей номеров пускай возится Хватов. А потом... Сами же слышали, что ему пришлось уступить, и теперь у меня испытательный срок. Месяц – не так много, выдержу. А с такими, как вы, даже с легкостью. Глядишь, Хватову самому раньше надоест.

– Хватов – тип еще тот, – принялся рассуждать Виталий Николаевич. – Сковырнуть его тяжело, я же после него редактором стал. Шутка ли, пятнадцать лет его фамилия в выходных данных стояла. Но есть нюанс: теперь-то ему не интересно районкой заниматься, он в Калининне высокая шишка. Так что не планирует Хватов здесь долго руководить, тут мы с тобой одинаково думаем. Поставит кого-нибудь из своих и спокойно укатит. Вот я чего опасаюсь. Еще хорошо, если тебя не подставит при этом.

– А может, из наших кому предложит? – предположил я, держа в уме старушку Метелину.

– Вряд ли, – Бульбаш покачал головой. – Из сильных никто не пойдет. А слабым это и так не нужно. К тому же, как оказалось, коллектив у нас спаянный. Значит, нужен человек со стороны, незаинтересованный. А набрать приближенных – это дело нехитрое.

– Согласен, – пару мгновений подумав, сказал я. – Ладно, давайте к делу. Хоть я уже и не редактор, но класть на газету с прибором не собираюсь...

В этот момент в дверь аккуратно, но уверенно постучали. Не дожидаясь ответа, таинственный посетитель заглянул внутрь – сначала просунул нос, затем просочился сам. Им оказался мужчина лет пятидесяти с небольшим, худощавый, аккуратно одетый, с любопытными бегающими глазами. На голове у него торчала непропорционально высокая шляпа, как будто она была на пару размеров меньше и попросту не налезала. Но самое интересное – на вытянутых руках посетитель держал зажатые в кулаках согнутые куски проволоки в виде буквы «Г».

– Простите, вы кто? – осведомился я. – И к кому?

– Мне нужен редактор Евгений Семенович Кашеваров, – ответил мужчина. – Вернее, мне сказали, что он уже не редактор, но это не важно... Сказали также, что я могу найти его здесь.

– Кашеваров – это я, – мне пришлось раскрыться, хотя посетитель вел себя достаточно странно. – С кем имею честь?..

– Валетов, – представился гость, протянул раскрытую правую ладонь для рукопожатия, выронил проволочку, наклонился, схватил ее, неловко улыбнулся. – Электрон Сергеевич.

– Необычное имя, – отметил я и тут же спохватился. В первые годы советской власти людей и вовсе называли Тракторами, Факелами и Ракетами. Куда уж там Ленинианам и Сталианам. А тут всего-то лишь Электрон.

– На самом деле меня зовут Степан, – признался загадочный тип. – Это имя по паспорту. Но мне бы хотелось быть Электроном. Так я могу с вами поговорить?

– Разумеется, – кивнул я, смутно догадываясь, что диссидент Котенок не единственный, кто сегодня вгоняет меня в ступор, напоминая о странной публике из моей прошлой жизни. – Чем могу помочь, Электрон Сергеевич?

– Я прочитал в газЭте, – он именно так и сказал, «в газЭте», через Э, – статью вашего корреспондента о шарлатанах.

– Вот автор, – я указал на Виталия Николаевича.

– О, товарищ корреспондент, мое вам почтение! – Степан-Электрон улыбнулся и горячо пожал Бульбашу руку. – Но я все же расскажу товарищу редактору... бывшему редактору.

– Рассказывайте нам всем, – я обвел рукой присутствующих. – Здесь все корреспонденты.

– Так вот, – посетитель с размаху уселся на свободный стул, как раз для гостей, отложил в сторону проволочки и продолжил. – Мне недавно приснился сон...

Соня и Зоя прыснули, Виталий Николаевич улыбнулся, а я окончательно убедился в своем диагнозе. Может, правы люди на остановке, и сейчас обострение? Причем не только у Котенка.

– Извините, но это не для газеты, – я покачал головой, хотя подспудно все же испытывал любопытство. Вдруг это тоже на самом деле известный тип вроде уже упомянутого мной диссидента. Все же, пожалуй, дам ему шанс. – Если только...

Я многозначительно посмотрел на Электрона Валетова, тем самым подталкивая его к вдохновенной речи. Он покосился на портрет Ленина, перевел взгляд на Горбачева, сделал глубокий вдох, и его понесло.

– Так вот, мне недавно приснился сон, – рассказывал Электрон Сергеевич. – И не простой, а с переносом. Я очутился в стране, где очень жарко, вдалеке стояли пирамидальные строения, по улицам ходили смуглые люди. И еще там ходили трамваи!

– Что вы говорите, – пробормотал я. – А троллейбусы?

– Троллейбусов не было, – посетитель посмотрел на меня с осуждением, будто я сейчас, по его мнению, сморозил несусветную глупость. – И если вы не будете перебивать, я очень быстро введу вас в курс дела.

– Извините, – я с трудом удержался от улыбки.

– Так вот, я подошел к прохожему, – заливался соловьем Электрон, – и спросил у него, где я очутился. Этот мир называется Тот, пояснил мне прохожий, он состоит из трех крокодилов. Вот так я понял, что попал в Древний Египет.

– Но как же трамваи? – напомнил я.

– Отвечу вам так, как и нашим доблестным археологам, – победно улыбнулся Валетов. – Железо ржавеет очень быстро.

– Тут не поспоришь, – для виду согласился я. – И что было дальше?

– А дальше я прогулялся по Древнему Египту, поговорил с людьми, – доверительно сообщил наш гость. – Но самое главное – это трамваи! Это же революционное научное открытие!

– Трамваи? – скептически уточнил я.

– Да! – Электрон вытаращил глаза. – Трамваи в Древнем Египте! Пойдет вам такое для вашей газЭты? А то смотрите, я «Московскому вестнику» предложу!

– Извините, но у нас нет рубрики «Очевидное невероятное», – я изобразил искреннюю сокрушенность. – Не сможем поставить в газету. Вам бы лучше в Академию наук СССР обратиться.

– А ведь точно! – я не думал, что Валетов воспримет мой сарказм всерьез, но это все же оказалось так. Бедные академики. – Спасибо вам, товарищ редактор!.. Ну, то есть бывший редактор! Все гениальное просто! Спасибо вам!

Он суетливо выскочил в коридор и прикрыл за собой дверь. А я по очереди посмотрел на каждого из коллег и расхохотался. Секунда – и смеялись уже мы все.

Самое интересное только начиналось.

Глава 6

Когда я в приподнятом настроении вышел из кабинета, меня перехватила взволнованная Валечка. Из ее сбивчивых пояснений я понял, что снятием с должности мои проблемы пока не заканчиваются. Оказывается, теперь я еще должен освободить жилплощадь!

– Квартира ведомственная, – виновато, будто это она сама выгоняла меня, говорила секретарша, – поэтому вам нужно сегодня ее освободить и сдать ключ. Так положено.

– Я все понимаю, Валечка, – успокоил я девушку. – Спасибо, что предупредили. Только можно, я сегодня перееду, а ключ принесу утром? Вечером ответственное мероприятие, я буду готовить статью, могу не успеть...

– Думаю, можно, – немного задумавшись, ответила та. – Вы только зайдите к Доброгубову, вам все равно нужно будет акт передачи подписать.

Я кивнул, и Валечка убежала, стуча каблучками, обратно в приемную. А мой путь лежал на третий этаж, в кабинет Сергея Саныча. Я приоткрыл створку двойной двери на тугой пружине, придержал ее, и все равно она грохнула, оглушая, наверное, все четыре этажа. Спустившись, я легко нашел нужную дверь и, постучав, вошел.

Доброгубов, заведующий автопарком, заодно временно замещал и настоящего завхоза – Гулина. Тот был в отпуске, и я как раз провалился в это время в самый его разгар. Впрочем, от лица того, кому я буду сдавать ключ от служебной квартиры, мало что зависит.

– Кашеваров? – Сергей Саныч, черноволосый и кареглазый, больше был похож на татарина, и сейчас, когда ему примерно тридцать пять, это сходство оказалось максимальным. – Заходи, Евгений Семеныч, у меня все готово. Ты уж меня извини, но я тут человек подневольный...

– Куда мне теперь? В Общагу? – уточнил я, подписывая протянутый мне Санычем листок.

– Слушай... – он задумался, прищурив свои и без того узкие глаза. – Я бы мог тебе предложить квартиру для командировочных, но есть подозрение, что Хватов сюда целый десант пришлет в скором времени.

– Не хочу тебя подставлять, – я улыбнулся, махнув рукой.

В кабинете Доброгубова все было завалено бумагами. Картонные папки «Дело» на столе, там же толстенная амбарная книга. стакан с авторучками и карандашами, насквозь пропитанная заваркой кружка – все это стояло на небольшой стопке газет. Позади его продавленного дерматинового кресла цвета какао из детского сада высились деревянные полки с архивами. Сам кабинет был узким и длинным, как кишка, и в конце, у окна, стоял еще один такой же заваленный бумагами стол. Там обычно сидел Гулин, с которым Сергей Саныч соседствовал.

– На, держи, – Доброгубов протянул мне ключ с металлической биркой. На ней было выдавлено «А. И. Общ.», что вероятно означало «Андроповские известия. Общежитие». – Это на Пролетарской, дом восемь.

– Ух ты! – от неожиданности воскликнул я, понимая, что какое-то время буду жить рядом с «качалкой» Загораева. А потом вспомнил, о чем хотел попросить Саныча. – Слушай, а можно я ключ от квартиры завтра тебе принесу? Прямо с утра пораньше. Сегодня пока весь свой хлам перевезу, потом на День комсомола в ДК бежать сразу... Могу не успеть. Нормально?

– Да без проблем, Евгений Семеныч, – Доброгубов радушно махнул рукой.

– И еще, Саныч, – я понял, что есть кое-какая сложность. – У меня кот.

Не знаю, как бедный Васька перенесет переезд, но это как раз поправимо. А вот если его запретят брать с собой...

– Бери, только смотри, чтобы не набедокурил, – ответил Сергей Саныч, и у меня отлегло от сердца. – Давай я с тобой Олега отправлю, заодно поможет тебе все загрузить.

– Было бы замечательно, – кивнул я. – Спасибо, Саныч.

– Ты лучше возвращайся поскорее обратно, – опять махнул рукой Доброгубов. – С тобой нам лучше, чем с Хватовым.

– Спасибо за поддержку, – улыбнулся я, а Саньч уже крутил диск телефона, чтобы выдать задание нашему самому молодому водителю.

К своему тепер уже бывшему дому я подъехал с неожиданной тоской. Вот вроде бы и прожил тут всего пару недель, а ощущение, будто всю жизнь. Наверное, это сознание Кашеварова сейчас во мне эмоциями клокочет.

– Много вещей, Евгений Семенович? – уточнил Олег, глуша двигатель.

– Должно уместиться, – уклончиво ответил я, потому что, если честно, не знал, сколько у меня действительно своих предметов домашнего быта.

Не успели мы дойти до подъезда, как на глаза снова попался Густов. Интересно, где он работает?

– Семеныч! – окликнул он меня. – Ты что так рано?

– Переезжаю, Петь, – я улыбнулся, пожав плечами.

– Да ну! – искренне огорчился афганец. – Надолго? И куда?

– На Пролетарскую восемь, – ответил я. – Надеюсь, что всего лишь на месяц.

– Слушай, – подозрительно уставился на меня Густов. – Тебя что, из-за статьи этой, что ли, сняли? Да я им!..

– Тихо-тихо! – я выставил вперед руки. – Да, меня сняли, но я планирую вернуться. Не на того напали.

– Это ты правильно, Жень! – кипятился десантник. – Я... Мы вот что! Мы с моими сослуживцами письмо коллективное напишем! В райком! Краюхину! И Татарчуку в Калинин тоже напишем! Мы этого так не оставим! Сагайдачный! – вдруг крикнул он. – Игорь! Кашеварова из газеты поперли!

– Как же это так, Евгений Семенович? – мой второй сосед-летчик подошел ближе, поздоровался со всеми. – Непорядок. Может, помощь нужна?

– Спасибо, Игорь, – признаться, я был очень тронут. – Думаю, сам справлюсь.

– Письмо напиши в поддержку! – предложил Сагайдачному Густов. – Я сам во все инстанции буду писать, бумагами их завалю!

– Сделаю, – серьезно кивнул Игорь. – На меня можешь рассчитывать.

Сагайдачный пошел дальше по своим делам – я вспомнил, что он был в отпуске, поэтому его появление во дворе в середине дня меня не удивило. А вот Густов увязался за мной и Олегом, причем у этих двоих быстро завязался общий разговор, потому что наш водитель недавно дембельнулся из армии, и Петька сразу почувствовал себя старшим товарищем.

– А я, Семеныч, охранником на завод устроился, – сказал он мне, когда они с Олегом обсудили разницу службы на Дальнем Востоке и в Афганистане. – На сельхозтехнику.

Память Кашеварова снова зашевелилась и выдала мне небольшую историю: Петька Густов, вернувшись из Афганистана, первое время жестоко пил, даже в милицию попадал за дебоширство. Потом опомнился, попытался устроиться токарем, кем работал до армии, но выяснилось, что из-за контузии у него резко снизилась концентрация. Пришлось довольствоваться низкоквалифицированным трудом и оформлять инвалидность. Но Петька не унывал, и это радовало. А в этом непрестом доме, где жили летчики вроде Сагайдачного, главреды вроде меня и парторги вроде Громыхиной, он прописался у дедушки, отставного военного, ветерана Великой Отечественной. Вот только что будет дальше? Как Петька переживет девяностые? Пойдет по кривой дорожке, как Загораев? Нет, если я взялся помогать людям, то делать это должен по максимуму. Надо только подумать, что я могу сделать.

– Рад за тебя, Петька, – искренне сказал я вслух и с грустью окинул взглядом квартиру. – Давайте начнем, что ли...

Память моего предшественника вновь услужливо подсказала, что я могу забрать. Книги, одежду, постельные и ваннные принадлежности, кота Ваську и печатную машинку, которая, к счастью, оказалась моей собственной, а не конторской. Все это спокойно уместилось в «Волге», даже еще свободное пространство осталось, и мой питомец гордо водрузил себя на узел с простыней, подушкой и одеялом. Хороший все-таки у меня кот, спокойный.

Густов крепко пожал мне руку и ушел домой, готовиться к выходу на новую работу, а мы с Олегом двинулись в сторону моей новой жилплощади. Вот так, думал я, из служебной квартиры в общагу. С другой стороны, где наша не пропадала? Как говорится, наша пропадала везде. А еще я даже немного рад, что меня временно вернули с небес на землю. Как говорится, кто знает, как мокра вода, как страшен холод лютый, тот не оставит никогда прохожих без приюта¹². И когда я снова окажусь на коне, то и своему соседу Петьке помогу – какая-никакая работа найдется. В конце концов, будет моим охранником, когда придут девяностые...

Дом номер восемь по Пролетарской оказался четырехэтажкой из белого силикатного кирпича. На входе нас с Олегом тормознула бойкая старушка, представившаяся Глафирой Степановной, местной комендантшей. Еще одна бабуля, Ираида Кирилловна, дежурила на вахте. Комендантша проверила мой паспорт и журналистское удостоверение, внимательно прочитала ордер от Доброгубова и лишь потом улыбнулась, параллельно велев вахтерше внести мое имя в список жильцов. К коту строгая старушка оказалась удивительно лояльна, даже погладила его и почесала за ушком. Только повторила пассаж нашего завгара по поводу того, чтобы «не набедокурил».

– У вас тринадцатая, – сказала мне Глафира Степановна, когда все необходимые формальности были соблюдены. – Это второй этаж, налево сейчас и по лестнице. И добро пожаловать!

– Спасибо, – поблагодарил я, и мы с водителем потащили мой скарб в новое жилище.

К счастью, общежитие оказалось квартирному типу. Помню, я бывал в таких в детстве и не понимал, в чем отличие от обычных жилых домов. Потом уже я сопоставил факты и начал разбираться – в любом общежитии есть как минимум вахта. А еще даже «квартирники» отличаются коридорной системой, где есть центральный вход, а номера идут по кругу. Позже, когда такие общаги начнут превращать в обычные жилые дома с подъездами, как в нашем старом доме по улице Шушенской, это станет настоящей головной болью для курьеров и таксистов. Вот как, например, догадаться, что первая квартира расположена во втором подъезде, а семьдесят седьмая – в первом? Так получалось из-за того, что секции перекрывались, из двух запасных выходов делались обычные подъезды, а нумерация квартир при этом не менялась.

В моей каморке оказался раздельный санузел, небольшая кухня с электроплитой и холодильником «Минск», а также, конечно, двадцатиметровая жилая комната. Для семейного человека тесновато, а вот нам с Васькой самое то. Я поблагодарил Севу за помощь и принялся распаковывать вещи. Ну, как распаковывать – скорее просто раскладывать связанное в узлы постельное белье и одежду, а еще разрезать бечевку, которой были скручены книжные стопки. Васька походил по квартире и завалился спать – никакого стресса от переезда, идеальный советский кот.

Я из любопытства заглянул в ванную комнату – стандартная чугунная ванна, выкрашенная эмалью, крохотная раковина со смесителем, над ней спартанское зеркало с подставкой для мыльно-рыльных принадлежностей. Стиральной машины не было, но Глафира Степановна что-то говорила о прачечной в правом крыле, так что справимся. В туалете меня тоже не ждало никаких открытий – стандартный советский унитаз с бачком под потолком и веревочкой смыва, за которую нужно было дергать. Все, как в моем детстве и в теперь уже бывшей служебной квартире Кашеварова.

¹² Пьеса «Кошкин дом», С.Я. Маршак.

– Ну что, Василий? – громко осведомился я, но кот не отреагировал, сопя в две дырочки. – Поеду я знакомиться с директором районного дома культуры. Правда, уже не как редактор, а как корреспондент.

Я проверил, что карманный «Панасоник» с чистой кассетой и карандаш с блокнотом при мне, и решительно вышел в коридор.

Глава 7

Как же все-таки тяжело иногда в прошлом без мобильных! Если честно, в большинстве случаев отсутствие всяких гаджетов меня, наоборот, радовало. Никаких назойливых сообщений в рабочем чате, уведомлений из «Телеграма», бесконечных звонков и рекламы из приложений. Но вот сейчас мне бы мобильник точно не помешал. В моем новом жилище не было телефона, и позвонить можно было только с вахты, попросив Ираиду Кирилловну.

– Аглая Тарасовна, здравствуйте! – поприветствовал я молодую докторшу. – Напоминаю, что жду вас сегодня вечером в районном доме культуры на концерте в честь Дня комсомола!

– И вам доброго дня, Евгений Семенович, – улыбнулась Ямпольская на том конце провода. – Разумеется, я приду, мы же договаривались.

– Это отличная новость, – рот мой разъехался до ушей в улыбке, и бабулька-вахтерша одобрительно хмыкнула. – А как там наш Павел?

Я перешел на серьезный тон, и Аглая Тарасовна тоже моментально собралась.

– Его состояние стабилизировалось, Василий Васильевич лично ведет его, – сказала она. – Но пока ничего принципиально нового. Впрочем... – она сделала многозначительную паузу. – К нам в поликлинику стали обращаться черныбыльцы. Я так думаю, что все это благодаря статье. Особенно словам, что советские люди должны помогать друг другу и заботиться о других. Ради себя они не пошли бы, большинство слишком гордые... Как Павел. Но вы написали, что помочь тем, кто тяжело пострадал, можно только собрав больше данных, и они идут. Сами идут! Вы молодец, Евгений Семенович!

– Значит, уже все не зря, – вновь улыбнулся я, почувствовав приятно разливающееся по телу тепло от слов Ямпольской. – Потом мы добьемся, чтобы на них обратили внимание и наверху. И не для отписки, а по-настоящему.

Мы еще немного обсудили статью, но пришлось вскоре закругляться, так как Ираида Кирилловна стала подчеркнуто покашливать. Я попрощался с Ямпольской, выразив нетерпение скорой встречи, и положил трубку. Улыбнулся вахтерше и вышел в октябрьскую хмарь.

Районный дом культуры располагался недалеко от Андроповского ЗКЗ, и я, выйдя на нужной остановке, покрутил головой – вдруг где-то рядом прогуливаются в перерыве Толик и Гриша Чорба. Не увидев никого из знакомых, я решительно зашагал ко входу в ДК. В будущем мне тоже там доводилось бывать – районный дом культуры, больше походивший на дворец, часто становился площадкой не только для концертов, но и политических мероприятий вроде встреч с избирателями и праймериз. Еще там нередко проводились различные выставки и презентации. Кружки тоже действовали, в том числе тот же театр-студия, с режиссером которого я делал интервью, но их было уже не так много, как в советские времена.

Это я хорошо прочувствовал, когда вошел внутрь, и меня чуть не сбила с ног стайка октябрят с шариками. Потом прошли симпатичные девушки в кожаных плащах и красных косынках – явно готовили какую-то сценку из революционной истории. Следом шагали и спорили, не замечая ничего вокруг, двое парней с типичными бородами геологов, причем один на ходу настраивал желтую гитару.

– Здравствуете, – поприветствовал меня живенький старичок с торчащими во все стороны космами седых волос, обрамлявших яркую лысину. – Вы кого-то ищете?

– Добрый день, – улыбнулся я, достал удостоверение с редакционным заданием и протянул моему собеседнику. – Я Кашеваров из «Андроповских известий», мне нужен директор ДК.

– Вам повезло, – улыбнулся старичок и сунул мне в ладонь свою мягкую лапку. – Сеславинский Константин Филиппович, директор сей юдоли искусства. А вас, сударь, как по имени-отчеству величать?

В «корочке» все это было написано, однако Сеславинский явно был сторонником живого общения. И вообще он представлял собой довольно любопытный для СССР типаж – с чуть ли не дворянской фамилией и такими же манерами. Судя по всему, потомок кого-то из «бывших».

– Евгений Семенович, – улыбнулся я.

– Постойте-ка, – нахмурился Константин Филиппович. – Но ведь Кашеваров – это редактор районной газеты. Вы его родственник?

– Хуже, – ответил я. – Я сам он и есть. Только теперь я не редактор, а старший корреспондент.

– О, мои извинения! – старичок смешно приложил руки к груди. – Раньше нам с вами как-то не доводилось общаться лично... В основном вы присылали своих заместителей, как бишь?.. Ах да, Арсений Степанович и Николай Витальевич... Нет-нет, простите, наоборот – Виталий Николаевич!

– Все верно, – кивнул я, подумав, что мой предшественник еще раз меня подставил. А я еще удивился, почему директор районного ДК не узнал редактора районной же газеты? Оказывается, старичок Сеславинский не пользовался авторитетом того Кашеварова. Что ж, придется мне и здесь выправлять ситуацию, не впервой, как говорится.

– Пройдемте в мою персональную келью, – вежливо предложил Константин Филиппович. – Предпочитаете чай или кофий?

– Если позволите, кофий, – непроизвольно скопировал я манеру Сеславинского, и тот улыбнулся.

– Евгений Семенович! – не успели мы направиться в сторону лестницы, устланной красным ковром, как меня окликнули знакомые голоса.

Я повернулся на звук – ко мне на всех парах спешили музыканты «Боя с пустотой», комсомольский поэт Вася Котиков, Зоя Шабанова и Леонид Фельдман. Последнего пригласил я в качестве фотографа, выписав редакционное задание еще когда был редактором. И забыл об этом со всеми перипетиями.

– А это, позвольте поинтересоваться, ваши протеже? – Сеславинский указал простертой ладонью в сторону ребят.

– Ага, – кивнул я. – Подающие надежду молодые таланты.

Ребята как раз окружили меня, пожимая руки, и принялись рассказывать о своем волнении перед первым настоящим концертом. А я, всматриваясь в их одухотворенные лица, внезапно понял: вот на таких молодых парнях и девчонках держится любая страна. И беда СССР, страны моего детства, в том, что она слишком долго не поворачивалась к ним лицом. А потом стало уже поздно. Волна из книг, музыки, фильмов по ту сторону железного занавеса так долго копилась, что просто снесла неподготовленную советскую молодежь. Ведь если бы ту же гласность ввели немного пораньше, если бы не закручивали так винтики цензуры... Возможно, я бы перенесся сюда не из России будущего, а из того же Союза. Только уже немного другого. Но, может, еще действительно не все потеряно, раз уж я здесь?

– Евгений Семенович, спасибо вам еще раз за то, что помогли, – Сашка Леутин сказал сразу за всех.

Я отмахнулся:

– Васю благодарите, – комсомолец Котиков на этих моих словах смущенно покраснел, Зоя погладила его по плечу. – На его же стихи песни петь будете. А сейчас давайте-ка дуйте репетировать. Не хочу смотреть на ваш позор, мне нужен триумф. Нам всем нужен. И вот еще. На сцене себя хорошо ведите, не провоцируйте никого. А то гости у нас разные могут быть...

В том, что на концерт придет Хватов, я даже не сомневался, а потому решил музыкантов на всякий случай предупредить.

– Какой разговор, Евгений Семенович! – даже немного оскорбился Сашка Леутин. – Мы же советские рокеры, в конце концов!

– Можете пока в той каморке сыграть, – вклинился дипломатичный Константин Филиппович, – в подвале. А через час – в большой зал, на общий прогон!

– Леня, сделай, пожалуйста, серию кадров с репетиций, – попросил я фотографа. – Взволнованные в предвкушении лица всегда получаются интересно. Вы же позволите, Константин Филиппович?

– Разумеется, – развел руками Сеславинский. – Как я могу мешать фотоискусству? Пройдемте же, Евгений Семенович.

Старичок провел меня в свой кабинет, расположенный на первом этаже. Помещение было небольшим, значительно меньше моего рабочего пространства. Скромный столик из лакированной ДСП, расшатанный стул с красной дерматиновой обивкой. На стене – выгоревший календарь с рисованным голубем, заглядывающим в приоткрытую дверь и держащим в клюве оливковую ветвь. Слева от птички надпись: «Генеральная ассамблея ООН торжественно провозгласила 1986 год Международным годом мира». На другой стене едва помещались почетные грамоты, шкаф со стеклянными дверцами ломился от кубков. А сверху в раскрытом кофре лежала аккуратная скрипка.

– Интересуетесь музыкой, мой юный друг? – Сеславинский тут же подметил, куда я бросил взгляд, и улыбнулся.

– Не могу назвать себя знатоком, – я покачал головой. – Слушаю то, что нравится, независимо от жанра.

– Не вижу в этом ничего плохого, – махнул рукой Константин Филиппович. – А как вам нравится классика?

– Таки нравится, – улыбнулся я. – А вы играете?

– Играл, – как мне показалось, с тоской ответил Сеславинский. – Сейчас уже руки не те, смычок держу плохо. Но было дело, что и в калининской филармонии концертировал. В камерном оркестре, конечно же, в коллективе, а не солировал. И сия скрипка мне особенно дорога. Это работа Льва Александровича Горшкова¹³. Он подарил ее моему отцу, Филиппу Андреевичу Сеславинскому... Впрочем, это вам, наверное, неинтересно.

В уголках глаз старичка блеснули крохотные слезинки, его голос дрогнул. Мне стало жаль директора РДК, и я решил хоть как-то его поддержать.

– Напротив, Константин Филиппович, – сказал я. – Мне очень даже любопытно.

– Отец мой держался только благодаря музыке, товарищ Кашеваров, – печально вздохнул Сеславинский. – Он ведь из «бывших», лишенец¹⁴. До революции входил в земское собрание Любгородского уезда, потом был поражен в правах, зарабатывал деньги музыкой. В ресторанах играл для нэпманов, потом положение немного выправилось. Устроился в филармонию, меня поднял, сделал музыкантом. Эта скрипка – память о нем.

– Интересная история, – кивнул я. – Я был бы рад как-нибудь еще раз обсудить все подробно.

– Ох, я же кофию вам обещал, – внезапно засуетился Сеславинский.

Он принялся хлопотать с большой трехлитровой банкой и кипятыльником, заставив меня в бесчисленный раз предаться ностальгии. Помню, папа точно так же заваривал чай на даче. Как у большинства советских семей, у нас были свои шесть соток с небольшим дачным домиком, где мы перекусывали бутербродами с маслом и сыром, а иногда и со шпротами! Но самым любимым у нас, советских детей, был такой бутерброд: кусочек черного хлеба, причем желательна горбушка, поливался подсолнечным маслом и посыпался солью. М-м-м, какая же это была вкуснятина! Во всяком случае для меня и моих друзей не было лучше закуски. Помню,

¹³ Известный советский мастер-реставратор музыкальных инструментов.

¹⁴ Лишенец (реже «лишонец») – гражданин РСФСР и СССР в 1918–1936 гг., лишенный избирательных прав.

мы их даже во двор вытаскивали, угощали друг друга. А чай из банки, заваренный после кипятивника, приобретал тот самый особый «дачный» вкус. Интересно, будет ли такой же у кофе?

Старичок Сеславинский довольно ловко заварил напиток в стареньком кофейнике, аккуратно держа специально приготовленной тряпочкой банку с дымящимся кипятком. Потом той же тряпочкой накрыл кофейник, выждал несколько минут и только после этого разлил тягучую жидкость по маленьким чашечкам.

– В общем, сегодня у нас насыщенная программа, – бодро заговорил он, когда мы оба уселись друг напротив друга. – Уверен, ваши ребята произведут фурор. Но и без них у нас театральный кружок имени Любви Орловой, мастера художественного свиста, танцоры и даже фокусники. Я вам гарантирую, будет интересно!

И опять я вспомнил, как много кружков и секций было в моем детстве. От курсов кройки и шитья для девочек до авиамоделирования для мальчиков. И, разумеется, всяческие ансамбли песни и пляски. Я даже в одном из таких занимался, пока не надоело. Решил перейти на греко-римскую борьбу, чтобы давать сдачу школьным хулиганам. В начале девяностых это было настоящее бедствие, и вместо искусства пришлось выбрать актуальное мастерство.

– А теперь, Евгений Семенович, проследуем на прогон, – Сеславинский вывел меня из воспоминаний, и мы направились в большой зал.

Путь наш пролегал через паркетное пространство для танцев, там репетировала секция «бальников». Руководила ими высокая красивая женщина, одетая в искрящееся платье под старину – будто сбежала из фильма «Война и мир» Сергея Бондарчука. Видимо, я слишком сильно вывернул шею, любуясь танцовщицей, и не заметил впереди себя колонну. Хорошо, Сеславинский дернул меня за руку, и я мгновенно сориентировался. Но конфуз не остался незамеченным: красавица в бальном платье улыбнулась, прикрыла рот ладошкой в перчатке, а я от волнения взял и показал ей большой палец. Не нашел ничего умнее.

К счастью, от окончательного позора меня спас проход в большой зал, где Сеславинский тут же усадил меня на одно из специально выделенных мест, а сам принялся дирижировать генеральным прогоном. Я во все глаза смотрел на сменяющих друг друга на сцене самодеятельных артистов и время от времени поглядывал на часы. С Аглаей Тарасовной мы договорились встретиться у главного входа, и я подумал, что красивый букет будет не лишним.

Я дождался окончания прогона, отметив, что мои орлы из «Боя с пустотой» явно хорошо подготовились, и выбежал из дома культуры в поисках цветочного киоска.

Глава 8

Мои финансы уже начинали выводить печальные баллады, и до получки мне явно придется питаться по облегченному меню. Однако шикануть перед красавицей докторшей я посчитал делом чести, а потому отсчитал за букет хризантем приличную в условиях экономии сумму. Почему хризантемы? Просто роз не было, а раз уж я так опростоволосился, что не купил их заранее, пришлось выкручиваться как есть.

К дому культуры я подбежал, высунув язык набок, но вовремя заметил знакомую фигурку. Поначалу я, правда, принял Ямпольскую за другую девушку – на концерт она, как уважающая себя дама пришла совершенно в другом наряде, нежели я видел ее в предыдущую встречу. Мне вот интересно, как можно в октябрьскую слякоть сохранить в первозданном виде васильковый плащ и светло-бежевые сапоги? Я вот, к примеру, свои черные ботинки уже убил так, что они превратились в серые.

– Аглая Тарасовна, это вам, – тем не менее, я широко улыбнулся, наплевав на огрехи своего имиджа, и протянул букет девушке своей мечты. – Позвольте вас проводить.

Ямпольская посмотрела на меня, и ее губы тронула ответная улыбка. Щеки докторши слегка зарумянились – ей однозначно было приятно внимание. А еще я к огромному своему удовольствию отметил, что косметикой она пользовалась умело и в меру. Никаких «смоки-айз» или ядерных синих теней, как было популярно в восьмидесятые. Но при этом черты лица все же аккуратно подчеркнуты, как на картинке в журнале «Бурда» или «Крестьянка». Кстати, первый еще пока не выходит, он придет в СССР только в следующем году.

– Спасибо, Евгений Семенович, – Аглая Тарасовна слегка тряхнула головой, и ее завитые кудри туго заволновались будто каштановое море. – Вы угадали, мне очень нравятся хризантемы.

Ха! А я ведь даже и не угадывал – у меня выбора не было. Повезло так повезло. Я уверенно подставил Ямпольской локоть, и она охотно взялась за него рукой в бежевой перчатке. Пока мы шли ко входу, а потом к гардеробу, я что-то рассказывал о предстоящей программе и понимал, что меня просто-напросто несет. Вовремя остановился и спросил, как у Аглаи Тарасовны выдался день, и она, как мне показалось, выдохнув с облегчением, принялась делиться уже своей жизнью. Как проходят плановые прививки, что слышно о новых лекарствах, чего ждут советские медики от пациентов... Личных тем девушка избегала, что, впрочем, не было удивительным – нельзя сразу вываливать подноготную.

Так мы, оживленно болтая, и пришли в зал, разместившись на специально выделенном ряду. С нами уже соседствовали Зоя, Василий Котиков, Леня Фельдман, потом появились Бульбаш с Мартой Мирбах. Пришли и чинно уселись какие-то старушки, про которых мне сказали, что это любительницы самодеятельности из райкома. Потом принялись подтягиваться официальные лица, из которых я кое-кого уже знал, а других мне по-дружески представлял Бульбаш.

Главврач ЦРБ Валькенштейн, военком Морозов, цивилист Аркадий Сыромятник, первый секретарь райкома Краюхин с супругой Раисой, врио главного редактора Хватов, парторг нашей газеты Громыхина, главврач городской поликлиники Баранов, руководитель газовой службы Серов, главный пожарный Кручин. Еще целая цепочка партийных работников вроде Козлова, второго секретаря райкома. Кислицын – председатель райисполкома, тоже не последний человек в Андроповске. Если тот же Краюхин отвечал за идеологию, то этот как раз фактически был хозяйственником. Исполнительной властью. Так, кто там еще... Полковник Смолин, начальник всей районной милиции, дородная дама с высокой прической – как подсказал Виталий Николаевич, начальник треста столовых Алия Нигматуллина. Потом пошли производственники: Спартак Воронин, директор завода кожзаменителей, Владлен Волков, руково-

дитель «Сельхозтехники», Юрий Фесенко, главный городской мебельщик, Аверкий Точилин, председатель колхоза «Ленинский путь», и Георгий Гаранин, начальник ЖБИ.

Уже начиная путаться в лицах, регалиях и именах, я увидел компанию крепких и уже немолодых мужчин с орденскими планками – точно, это же ветераны Великой Отечественной, большинство из которых в восьмидесятые еще живы и даже полны энергии. Причем самым молодым по самым скромным прикидкам лет шестьдесят, мне бы такую тягу к жизни и энтузиазм в их возрасте... Так, а вот эту парочку я на концерте в честь комсомола ожидал увидеть меньше всего.

Высокий очкарик с засаленными волосами – диссидент Алексей Котенок. И мужчина в высокой шляпе – городской сумасшедший Электрон Валетов. Что они тут забыли? Первый наверняка готовит какую-то провокацию, а вот второй... Геопатогенные зоны ищет? Кстати, странно, что Котенок так быстро освободился из рук советской психиатрии. Договорился? Или власти и вправду становятся более лояльными?

Раздались первые аплодисменты, и на сцену вышел Сеславинский. Он довольно живо поприветствовал гостей, а вот потом началась официальная часть. Выступил Краюхин, потом дали слово Жеребкину, секретарю районного ВЛКСМ, пригласили высказаться Котикова как главу одного из комсомольских звеньев, следом зачем-то поперся высказать свои претензии современности Хватов. И только спустя, наверное, минут двадцать начался первый номер концерта.

В своей прошлой жизни я ничего подобного не видел. Разумеется, мне доводилось бывать на студвеснах, посвящениях в студенты и днях факультета, я даже во всем этом участвовал. Ходил на первые рок-фестивали в ДК «Химволокно» в Твери, на концерты в «Плаценту» и «Колбу», даже на отчетные гала-представления городских коллективов. Но на настоящее самодеятельное шоу в честь молодежной коммунистической организации попал впервые. А потому смотрел во все глаза, периодически косясь на Ямпольскую, чтобы полюбоваться.

Началось все с тех самых девушек, которых я увидел в холле ДК – размахивая наганями, они разыграли сценку из какой-то пьесы о гражданской войне. Потом выступали бородатые парни, спевшие под звуки желтой гитары «Неба утреннего стяг»¹⁵, станцевали чечеточники, залихватски зажгли зал мастера художественного свиста, угловатая девушка показала фокусы, причем весьма профессионально, потом высокий печальный парень спел несколько русских романсов. Удивительно, но никто, как потом начнут говорить, не лажал – складывалось уверенное ощущение, что выступающие готовились всерьез и как будто на международный конкурс. А затем, когда я уже, признаться, начал уставать от декламирования пролетарских стихов парней и девушек из тусовки Васи Котикова, Сеславинский объявил выступление «самодеятельного ВИА «Бой с пустотой»». И вот тут зал стих и замер.

На сцену вышли музыканты и вокалистка Рита Волошина – все в джинсах-«варенках» и пиджаках от школьной формы без рукавов. А пока они настраивали заранее подготовленные инструменты, Вася Котиков оттянул на себя внимание зрителей, коротко рассказав, что исполнять ВИА будет песни на стихи комсомольцев, посвящая их, разумеется, ВЛКСМ.

Раздались неуверенные аплодисменты, постепенно набравшие силу. И тут Сашка Леутин, лидер и гитарист группы, взял первый аккорд. Потом барабанщик задал ритм, и понеслось!

Под задорные риффы Волчица, как я называл про себя Волошину, старательно выводила слова той самой песни:

*Ревет мотор! Ревут машины!
И светит солнце в высоте!*

¹⁵ Евгений имеет в виду песню «И вновь продолжается бой» (также известна как «И Ленин такой молодой»), 1974 год. Музыка: Александра Пахмутова. Слова: Николай Добронравов. Исполнял в том числе Иосиф Кобзон.

*Мы новые возьмем вершины!
И бой объявим пустоте!*

Зрители в зале замерли, сидя чинно, будто бы на концерте органной музыки, и это резко контрастировало с происходящим на сцене. А там музыканты вошли во вкус, начав двигаться уже как настоящие рокеры.

*Шагает по планете время,
Непостижимое уму!
Как завещал великий Ленин,
Мы лампочкой разгоним тьму!*

Леутин ушел в гитарный запил, словно бросая вызов самому Джеймсу Хетфилду¹⁶, и тут зрительный зал прорвало. Молодежь вскочила со своих кресел и принялась аплодировать, кто-то засвистел, другие закричали «ура», потом и вовсе толпа принялась скандировать «молодцы». Более взрослые гости продолжали сидеть, но тоже яростно аплодировали. И это было по-настоящему круто – я чувствовал свою причастность к успеху, на что имел полное право. А потом...

– С Днем комсомола, товарищи! – крикнул в микрофон Сашка Леутин. – А наш ансамбль благодарит за поддержку газету «Андроповские известия» и редактора Евгения Семеновича Кашеварова.

Все-таки учудили...

Зал грохнул оглушительными аплодисментами, переходящими в вой штурмовой авиации, а я, потонув в этом шуме, погружался в глаза Аглаи Ямпольской, которая смотрела на меня совсем другим взглядом. Я настолько утонул в ее образе, что не сразу услышал, как на сцене что-то произошло. Визгливо резанул по ушам микрофон, раздалась возня.

– Прошу работников милиции пройти на сцену и прекратить это безобразие! – гремел над залом голос разъяренного Хватова. И ведь терпел сначала, но после моей фамилии не удержался. Ну, раздражаю я человека так, что он аж кушать, то есть сидеть не может. – Райкому КПСС еще предстоит разобраться, кто стоит за этой невиданной провокацией! Прошу извинить за это досадное недоразумение, дорогие товарищи!

Раздался свист, потом возмущенные крики. Хватов от неожиданности вытаращил глаза, но быстро взял себя в руки.

– Верните музыкантов! – крикнул какой-то парень.

Милиционеры, среди которых я узнал одного из тех, кто приезжал на вызов в баню, нерешительно стояли на сцене. Они понимали, что группа Сашки Леутина не сделала ничего предосудительного, но орущий партийный деятель Хватов требовал наказать виновных. Он уже разразился речью о происхождении директора дома культуры Сеславинского, разнес меня, не преминув добавить, что я низложенный американский агент, прошелся по Краюхину, и тут...

– Верните Кашеварова! Верните Кашеварова! – принялись скандировать комсомольцы в зале.

К ним присоединились музыканты «Боя с пустотой», мои журналисты, какие-то совершенно незнакомые мне люди в зале. К микрофону пролез было Алексей Котенок, но его быстро оттерли, и он возмущенно начал размахивать руками.

На сцену вышел Краюхин, который все-таки был здесь по-настоящему главным, и обратился к возмущенному залу:

¹⁶ Вокалист и ритм-гитарист американской метал-группы Metallica.

- Дорогие товарищи! Я прошу вас успокоиться и прекратить беспорядки!
- Верните Ка-ше-ва-рова! – грохнул в ответ зал.

Анатолий Петрович попытался снова уговорить людей выпустить пар и разойтись, но его не слушали. Хватов вырвал у него из рук микрофон и рявкнул что-то про контрреволюцию и антисоветскую агитацию. Но его вытолкали со сцены музыканты, чем и воспользовались милиционеры. Не думаю, что им так уж хотелось арестовывать Леутина сотоварищи, но не отреагировать на неуважение к представителю власти они точно не могли. «Бой с пустотой» аккуратно скрутили и вывели из зала. А я понял, что пришла пора вмешаться, пока происходящее не трансформировалось в мятеж.

Ямпольская схватила меня за руку, когда я встал, и попросила быть осторожной. Я кивнул, выбрался в проход и быстро добежал до сцены. Взял микрофон из рук оторопевшего Краюхина и обратился к людям.

– Товарищи! – сказал я. – Меня зовут Евгений Кашеваров. Я хочу поблагодарить вас за поддержку и одновременно с этим прошу успокоиться. Мы с вами – советские люди. И давайте вести себя соответственно.

– Мы рассмотрим кандидатуру товарища Кашеварова в срочном порядке, – Анатолий Петрович перехватил у меня микрофон. – Обещаю, что возьму инцидент на особый контроль. Личный контроль!

– Краюхин, и ты туда же?! – раздался возмущенный голос Хватова.

– Я за справедливость, Богдан Серафимович, – улыбнулся Краюхин. – А она говорит голосом народа...

Зрительный зал потонул в грохоте аплодисментов и одобрительных выкриков. Никогда я еще не был в центре такого внимания.

А жизнь-то все интереснее и интереснее!

Глава 9

Уверен, что этот День комсомола наш город запомнит надолго! Возмущенный Хватов, гневно тряс кулаком, выбежал из зала и скрылся. Меня окружили совершенно незнакомые люди, хлопали по плечам, пожимали руки. Потом через толпу пробрался Алексей Котенок и начал горячо мне втолковывать, что я молодец, разнес этих разжиревших бонз, что в стране должна воцариться настоящая демократия, но я вежливо отстранился. Котенка вновь оттерли.

– Евгений Семенович, это что-то невероятное! – я узнал голос Сеславинского и повернулся к нему.

Директор дома культуры смешно всплескивал руками и не находил слов. Рядом с ним стоял молодой мужчина с прической под Градского и даже чем-то в целом похожий на легендарного музыканта. Он улыбался и протягивал ладонь для рукопожатия, я ответил.

– Это наш перспективный молодой режиссер, – сказал Сеславинский. – Филипп Артемович Владимирский. Руководитель театральной студии имени Любви Орловой. Это его ученицы ставили сценку.

Меня словно молнией пронзило. Владимирский – это тот самый постановщик, с которым я познакомился в прошлой жизни. Только сейчас ему еще не исполнилось и сорока, он был молодым и талантливым парнем, подающим надежды. И такому знакомству можно просто порадоваться.

– Очень приятно, Филипп Артемович, – улыбнулся я. – Признаться, ни разу не был на ваших спектаклях, но очень хотелось бы.

– А вы приходите в дом культуры в следующую субботу, уже в ноябре, – ответил тот. – Мы ставим Островского, «На всякого мудреца довольно простоты». Вход бесплатный, мы же кружок. Но для журналистов выделим лучшие места.

– А можно еще и для врачей? – прищурившись, попросил я, подавая руку Ямпольской, которая как раз тоже добралась до сцены. – Аглая Тарасовна, вы ведь любите театр?

– Я вообще очень люблю искусство, – ответила девушка.

– Товарищи, извините, что вмешиваюсь, – вежливо, но решительно прервал наш разговор Краюхин. – Позвольте мне Евгения Семеновича на пару слов.

– Верните Кашеварова! – тут же крикнул кто-то, но его вежливо попросили не шуметь. И мне чертовски было приятно не только то, что меня поддерживают, но и то, что из уважения ко мне люди не переходят границы дозволенного.

– Конечно, Анатолий Петрович, но только недолго, не хочу оставлять без внимания свою спутницу, – я показал на Ямпольскую. – И еще один момент... Марта Рудольфовна!

Мирбах была поблизости, но из природной скромности, не свойственной людям нашей профессии, не вмешивалась. И только услышав меня, она сделала несколько шагов. Сеславинский в этот момент обратился к зрителям, попросив их покинуть сцену.

– Концерт завершен, уважаемые товарищи! – говорил он. – Приходите к нам в ноябре на смотр художественной самодеятельности!

Комсомольцы, рабочие, служащие тут же послушались и принялись расходиться, возбужденно при этом переговариваясь. А я неожиданно осознал, что все это время люди на первом ряду сидели не шелохнувшись. Те самые первые лица города вроде главврачей и руководителей экстренных служб. И это, на мой взгляд, внушало уважение – никто не ушел, воспользовавшись шумихой, хотя дело действительно в определенный момент запахло жареным. А тут они вдруг принялись степенно вставать, но к выходу не пошли.

Мои журналисты, подошедшая Громыкина, Вася Котиков, директор ДК, режиссер Владимирский и, конечно же, Аглая Тарасовна стояли рядом и внимательно наблюдали за проис-

ходящим. А я невозмутимо повернулся к Мирбах и показал ей на руководителя театральной студии.

– Марта Рудольфовна, вы же знакомы с Филиппом Артемовичем? Я думаю, с ним может получиться отличное интервью.

Я едва сдержал смешок – совсем забыл, что меня сняли с должности, и привычно распоряжаюсь как редактор. Видимо, об этом же подумал и Краюхин, который жестом предложил мне отойти в сторону.

– Что скажете, Анатолий Петрович? – спросил я, когда мы расположились у одной из толстых стен. Первые лица стояли в сторонке и о чем-то беседовали, время от времени бросая на нас короткие взгляды, а на сцене уже образовалась какая-то своя тусовка из журналистов и богемы. Ямпольская, к слову, оживленно о чем-то беседовала с Зоей и Котиковым.

– Скажу, что наделал ты шуму, Кашеваров, – покачал головой Краюхин, вполголоса отвечая на мой вопрос. – Мало того, что в газете у тебя вольница, распустил народ, так еще на Дне комсомола чуть бунт не устроил. Будь иначе, я бы отправил Хватова назад уже через пару дней, а потом и тебя бы восстановил. А теперь...

Он махнул рукой, задумавшись о чем-то своем. Я же размышлял о Краюхине. Вот раньше было непонятно, на моей он стороне или нет, сама меня прикрыла Громыхина или он дал добро, а вот теперь все встало на свои места. Не просто так он отходил в сторону, а чтобы остаться в силе и поддержать нас. Настоящий политик.

– Вы бы лучше со мной прямо поговорили, – так же тихо ответил я. – Номер про чернобыльцев или концерт – это не единственное, что я хочу сделать. Меня если и прикрывать, то не раз и не два... А лучше попробовать убедить всех там, наверху, что от меня есть польза. Как минимум, потому что газету теперь не просто выписывают, но и читают. И обсуждают на все голоса. А всего-то лишь второй номер вышел.

– Ты чего, Евгений Семеныч? – подозрительно уставился на меня Краюхин. – Может, ты все-таки от того удара еще не отошел? Хочешь, мы тебя в Карачарово отправим на лечение? Или в Кашин на воды?

– Успеется, – я покачал головой, понимая, что именно смутило в моей тираде первого секретаря. – Второй номер – это я имел в виду с изменением концепции.

– Ты вот что, концептуалист, – тяжело вздохнул Краюхин, – выходи завтра на работу, статьи пиши, в споры не вступай... А мы на уровне партии порешаем, что можно сделать.

Он снова о чем-то задумался, и я попытался понять: услышал ли меня первый секретарь, можно ли будет на него положиться? Впрочем, можно проверить, а заодно и доброе дело сделать – рокеров освободить. Леутин, конечно, был готов на жертвы ради славы, но лучше без фанатизма.

– Анатолий Петрович, а музыкантов моих можно отпустить? – я кивнул в сторону начальника милиции.

– Хватов – мужик мстительный, если узнает, что я за твоих музыкантов заступился, как бы войну не объявил, – буркнул Краюхин. – Я прослежу, чтобы ничего лишнего им не повесили, так что подержат до утра и выпустят. Ох и крови ты из меня пьешь, Кашеваров! Одни проблемы с тобой, а будет ли польза?.. Ладно, иди давай, тебя женщина ждет. А такие, как эта, вечно стоять не будут. Уведут, если внимание не будешь оказывать.

Я усмехнулся, отметив, что за музыкантами все-таки присмотрят, пожал главному районному коммунисту руку и быстрым шагом вернулся на сцену. Краюхин же направился к первым лицам города. Что-то им сказал, указал рукой на один из выходов, и все дружно направились по ковровой дорожке. А когда они проходили мимо меня, оказалось, что Кашеваров все-таки знаком если не со всеми, то с большинством «отцов Андроповска».

– Всего доброго, Евгений Семенович, – сказал легендарный полковник Смолин, начальник милиции, и все остальные тоже вежливо закивали, прощаясь.

Последним шел Краухин. Он позвал меня, я наклонился со сцены и услышал его негромкий голос:

– Если наверху все нормально пройдет, в субботу приглашаю тебя поохотиться и рыбу половить. Они, – Краухин кивнул на первых лиц, – тоже там будут. Тебе позвонят.

– Принято, Анатолий Петрович, – ответил я и наконец-то вернулся к Ямпольской. – Аглая Тарасовна, прошу меня простить за длительное отсутствие. Весь ваш.

– Спасибо вам, Глашенька, – Марта Мирбах тем временем завершила какой-то наверняка очень важный разговор с докторшей. – Я запишусь, спасибо.

– Да уж, Евгений Семенович, – Ямпольская, улыбнувшись, посмотрела на меня. – Вечер получился действительно шикарный. И необычный. Но время позднее, уже и домой пора, завтра всем на работу.

– А я вас провожу, – я не спросил, и красавица докторша не стала возражать.

Мы вежливо попрощались со всеми и направились в сторону дома Ямпольской. Правда, путь мы выбрали довольно извилистый – через исторический центр, набережную Любицы, парк на костях и снова через набережную, только уже на другой стороне. Забавно, мы оба понимали, что просто не хотим быстро расставаться, но делали вид, будто просто каждый раз не договорили. А поговорить-то нам было о чем!

– Не жалеете? – испытующе посмотрела на меня Аглая.

– О чем? – я пожал плечами. – О том, что настоял на своем? Ни капельки.

– Но ведь вы потеряли должность, – заметила девушка. – Еще утром вы были редактором, а сейчас уже просто корреспондент, пусть и старший. Некоторых это ломает.

– Не меня, – я покачал головой. – Я в себя верю, знаю, что обязательно вновь доберусь до вершины. Пусть даже другой.

– Это какой же? – вдруг удивилась Ямпольская. – Смените профессию и попробуете опять дослужиться до начальственного кресла?

– Такой вариант я тоже рассматривал, – я улыбнулся. – Но нет. Мне интересно то, чем я занимаюсь, я всегда хотел быть журналистом и развиваться именно в этой профессии. Карьера для меня – это средство для достижения цели, а не наоборот.

– Интересная мысль, – Аглая наклонила голову набок и задумчиво сжала губы, слегка прищурились. – Полная противоположность иезуитской логики.

– А вы думали, я иезуит? – я притворно возмутился.

– Не обижайтесь, но поначалу у меня были сомнения, – покачала головой девушка. – Во-первых, когда вы с ходу попытались за мной приударить во время вызова.

– Это когда я валялся в редакции, откинув копыта? – я тоже вспомнил свои неумелые попытки и про себя даже рассмеялся.

– И тогда, и потом, уже на приеме, – Ямпольская не поддержала моего шуточного настроения и говорила серьезно. – Вы тогда выглядели не как советский журналист, а как, простите, мужлан, который видит во враче только женщину.

– А это плохо? – уточнил я. – То есть... я не хочу сказать, что женщина не способна достичь высот в любой профессии. Просто, по-моему, неплохо видеть в докторе не только белый халат, но и душу. Внешнюю и внутреннюю красоту.

– Евгений Семенович, мы с вами не дети, – поморщилась Аглая. – Вы меня впервые в жизни тогда увидели и тут же заглянули в душу? Не смешите, пожалуйста.

– Тут вы правы, – признался я. – Душу я разглядел потом, когда вы мне помогли. Но это было во-первых, а во-вторых?

– А во-вторых, когда вы слишком уж рьяно взялись помогать Садыкову, я в какой-то момент засомневалась, – продолжила девушка. – Подумала, пытаетесь обеспечить человеку лечение по дружбе и используете для этого меня. Или даже, наоборот, используете нас обоих, чтобы продвинуться по карьерной лестнице, выслужаться.

– А вот это обидно, – заметил я.

– Я в итоге ошиблась, – просто сказала Ямпольская. – И лучше всего поняла это даже не тогда, когда мы с вами решали вопрос чернобыльца, а когда зал сегодня скандировал ваше имя. А потом – когда на сцене все окружили вас, хлопали по плечам, пожимали руки.

– Рад, что реабилитировался в ваших глазах, – я улыбнулся. – А вы довольно-таки прямолинейны.

– Разве это плохо? – она резко повернулась ко мне и вздернула носик.

– Напротив, – я покачал головой. – Это прекрасно. Кстати, вы, кажется, говорили, что любите искусство?

Мне очень хотелось сменить тему и получше узнать Ямпольскую – что ей нравится, чем она интересуется помимо медицины. По характеру Аглая оказалась довольно жесткой, но меня это даже еще больше привлекало. Такая не будет ничего замалчивать и прямо выскажет свое недовольство. И наоборот – будет искренне радоваться. В общем, никакого притворства. Человек – открытая книга. И в то же время не без типичной женской загадочности. Волевая, решительная, избравшая себе сложную профессию. И в то же самое время – невероятно женственная на внешность и в манерах. Я украдкой смотрел на девушку и любовался тем, как она смеется или, напротив, сосредоточенно хмурится, как откидывает назад пряди волос, как вышагивает своими идеально прямыми ногами, длинными и стройными... Мысли в голове роились самые неприличные, и мне приходилось сдерживаться, чтобы наружу не вылезли привычки из прошлой жизни.

Тут ведь еще все по-другому, можно ухаживать за девушкой месяцами и ни разу при этом не поцеловать. А уж думать о чем-то большем точно стоило не на первом настоящем свидании. И такая советская сдержанность, когда люди интересны друг другу прежде всего как личности – это и выбивало из колеи, и одновременно завораживало. В будущем подобная ситуация, когда я на глазах девушки побывал в центре всеобщего внимания, с высокой долей вероятности закончилась бы у меня дома с бокалом шампанского и располагающим фильмом. Наверное, поэтому я в своей прошлой жизни так и не женился до сорока лет. Дело-то ведь не только в профессии, у меня бывали романы с девчонками из ведомственных пресс-служб, рекламщицами и коллегами из других изданий. Я только сейчас понял, что проблема была в доступности отношений, в их скорости и непринужденности. Не было времени узнавать человека – зачем, когда можно чуть ли не в первый день знакомства перейти к близости? А ответственность, обязательства, по-настоящему взрослое поведение – этого мы все, наверное, подсудно боялись. Во всяком случае я и те люди, кого я притягивал.

А теперь... Теперь я наслаждался теми самыми отношениями, над которыми раньше смеялся, считал их отстойными и безнадежно устаревшими. Не думаю, что сейчас во мне победил мой предшественник Кашеваров. Я сам, Женя Кротов из будущего, вспоминая свои прежние отношения, вернее пародию на них, искренне хотел сейчас носить Ямпольскую на руках, переводить ее через лужи, собирать наивные букетики из кленовых листочков и вспоминать забытые романтические стихи.

Уже давно стемнело, старый желтый месяц висел над городом, шуршали колесами советские автобусы, зажигались яркие колючие звезды, и я с каждым мигом все сильнее осознавал, как много естественной красоты я пропустил, сидя перед монитором компьютера и углубившись в телеграм-каналы на экране смартфона.

К дому Аглаи мы повернули только тогда, когда откровенно замерзли, до этого находя самые пустяковые причины, чтобы прогуляться подольше. Но даже тогда мы просто попрощались, договорившись в пятницу сходить вместе в кино, и никаких поцелуев, даже в щечку. Девушка только прижала к себе мой букет из кленовых листьев, и этого мне было достаточно, чтобы понять: как бы ни складывались наши отношения, я готов ждать месяц, три месяца и даже год, если это будет необходимо.

Я чувствовал, оно того стоило.

Глава 10

Андроповск (бывший Любгород), 30 октября 1986 года

Коля и Макар возвращались домой после школы, решив перед этим ненадолго заглянуть в маленький парк аттракционов. Сами карусели уже не работали, но там были автоматы с газировкой, а в карманах звенела мелочь. Погода стояла отличная, ярко светило солнце, и ребятам совсем не хотелось домой. Уроки подождут, жаль было бы пропускать такой теплый денек.

По дороге они встретили своих друзей Сережу и Андрея из параллельного класса, и уже всей гурьбой завалились в наполненный солнечным светом парк. Каждый выпил по целому стакану газированной воды с сиропом, потом, когда закончились деньги, купили вскладчину еще один – на всех. Потом Коля увидел валявшуюся на земле копейку, торжественно поднял ее и предложил взять стаканчик-подарок от судьбы – правда, без сиропа, ну и пусть.

– Кашинская¹⁷ у меня и дома есть, – пожал плечами Макар.

– Как хочешь, – улыбнулся Коля. – А я, пожалуй, выпью.

– И со мной поделись, – попросил Сережа.

– Я тоже буду, – тут же добавил Андрей.

Они быстро опустошили стаканчик и, довольные, направились к колесу обозрения. Поблизости никого не было, и ребята забрались в одну из кабинок. При помощи руля можно было ее раскрутить и таким образом повеселиться.

– Слышали про дядьку из города Мэр? – спросил Сережа, когда они все, вдоволь насмеявшись, остановили кабинку, чтобы передохнуть.

– Кто это? – с подозрением посмотрел на него Макар.

– А я знаю! – воскликнул Коля. – Это неизвестный дядька, который похищает детей, и их потом не могут найти.

– Может, он увозит их в город Мэр? – предположил Андрей, вспомнив, что слышал нечто подобное от своего младшего брата Сеньки.

– Ну, от него хотя бы можно убежать, – уверенно заявил Коля. – Просто не ходить с ним, и все. А вот если подъедет автобус с черными шторками...

– В него можно не садиться, – заявил Макар.

– Он как будто засасывает, – таинственным голосом сказал Сережа. – Открываются дверцы, оттуда слышится властный голос, и ты ничего не можешь поделать. Тебя туда втягивает, вот и все.

¹⁷ «Кашинская» – популярная в Калининской области минеральная вода, разливаемая из источников в городе Кашине. В обиходе любая минералка нередко называлась «кашинской», вне зависимости от места производства. Эдакий калининский, а затем и ранний тверской колорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.